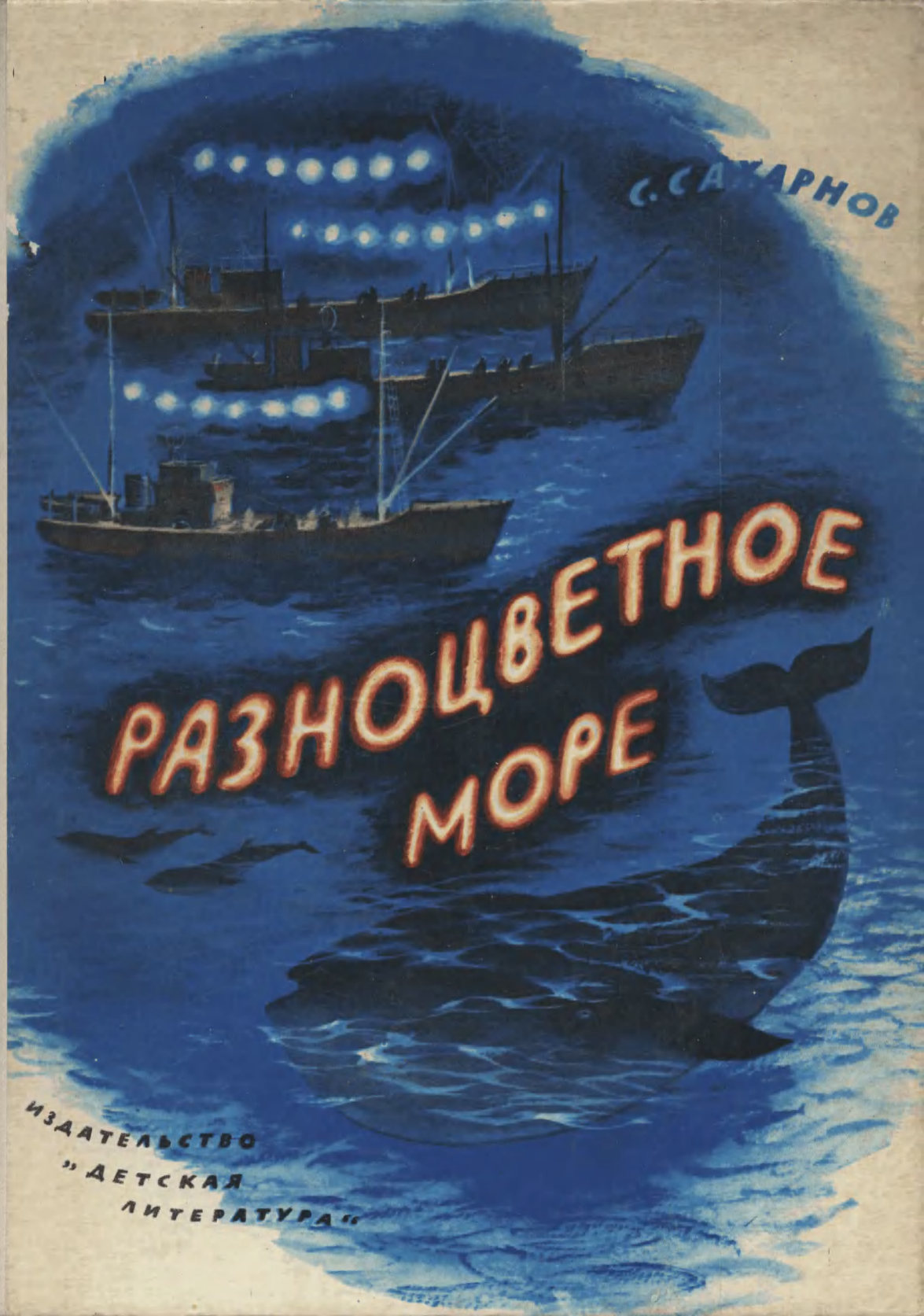

С. САХАРНОВ • РАЗНОЦВЕТНОЕ МОРЕ

С. САХАРНОВ

РАЗНОЦВЕТНОЕ МОРЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА"

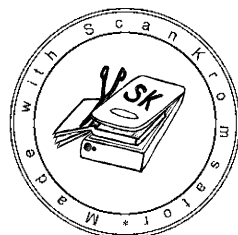

С. САХАРНОВ
РАЗНОЦВЕТНОЕ
МОРЕ

МОСКВА

"ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА"
1 9 7 4

Scan AAW

СВЯТОСЛАВ САХАРНОВ

Было это, помнится, лет пятнадцать назад. Я зашёл к писателю Виталию Валентиновичу Бианки — в ту пору мы делали радиопередачу «Вести из леса» — и встретил у него незнакомого моряка. Виталий Валентинович, хитро на него посматривая, говорит мне: «Очередной мой мучитель! Первый рассказ свой принёс. И как это люди ухитряются так плохо писать свои первые рассказы?»

Мне чуть неловко: моряк всё-таки, мундир, орденские планки... Но моряк не смущается. Это хорошо. Значит, он не думал поразить мир первым же своим рассказом. Понимает, к кому пришёл и зачем. Виталий Бианки — писатель старый и опытный. К советам его многие прислушиваются.

Мы познакомились. Моряк — Святослав Владимирович Сахарнов — приехал с Тихого океана. Заговорили, конечно, о море. Это было время, когда люди особенно серьёзно занялись изучением морских глубин. Говорили мы о подводных домах, об аквалангистах, об обитателях морского

дна. Мы оба опускались под воду, и нам было о чём поговорить.

Сахарнов рассказал, как однажды торпедный катер, которым он командовал, повредил винты. Вместо водолаза к винтам опустился он сам. Опустился и ахнул: чудеса кругом! В сухопутном мире, в котором мы с вами живём, звери и птицы движутся головой вперёд. А под водой? Морской конёк головой вверх движется, камбала на боку плывёт, а десятирукий кальмарчик—тот и вовсе хвостом вперёд норовит! Сказочный мир. Даже тени ни у кого нет!

Очень он удивился. Вылез и написал свой первый рассказ. От удивления...

Через год мы встретились снова. И опять у В. В. Бианки.

На этот раз Святослав Владимирович вернулся с Чёрного моря. Читал нам повесть о том, как с маской и лапами опускался на дно. Называлась повесть «Разноцветное море». Очень она нам понравилась.

«Первая морская подводная книжка для детей!—сказал Виталий Валентинович, когда автор кончил читать.—Будем ждать, когда её напечатают».

Так Святослав Сахарнов стал писателем.

Книжки этой Виталий Валентинович так и не дождался. Она вышла уже после его смерти.

Сейчас у С. В. Сахарнова уже более двух десятков книг.

Сахарнов помнит советы В. В. Бианки. Первый из них: писатель должен много ездить и всё видеть своими глазами. И он много ездит. Побывал снова на Тихом океане у ловцов трепангов. На Чёрном море встречался с учёными, изучающими жизнь дельфинов. Был на берегах Ледовитого океана у охотников за белыми китами—белухами. Вместе с художником ездил на Курильские острова. И попали они

там в землетрясение. Прошёл слух, что вот-вот нахлынет на берег гигантская волна — цунами. Приезжие новички перепугались и бросились бежать кто куда, а художник и Сахарнов остались. После землетрясения подходит к ним местный рыбак и говорит:

— Удивляюсь! Все спасаются кто куда, а вы на месте стоите и только головами по сторонам крутите.

— Так работа у нас такая!—отвечают.

— Что за работа?—выспрашивает рыбак.—Учёные, что ли? Или сыщики?

— Да нет, я художник, а он писатель...

Самим увидеть, самим испытать — для этого путешествуют писатели и художники.

Из поездов Святослав Владимирович привозит рукописи, иногда толстые, иногда тонкие, но все про море, про моряков.

Про моряков не просто писать. Моряки — особый народ. С ними не один год надо бок о бок пожить, чтобы всё понять. Моряки даже говорят по-особому. Моряк не скажет «поплыл», скажет «пошёл». Всё у моряков «идёт»: прилив «пошёл», катер «идёт», рыба, когда ловиться начнёт, тоже «пошла», якорь, цепь ползёт на палубу — тоже «идёт». В рассказах Сахарнова много «морских» слов, и все они к месту, все в работе. Они помогают нам понять водолазов, когда те поднимают затонувшие корабли; узнать о беспоконной работе радистов, пережить заботы и сомнения старого лоцмана, ведущего баржу по капризной реке.

Книжки Сахарнова читают не только наши ребята, но и дети других стран: Польши, Чехословакии, Румынии, Индии. Читают и узнают нашу землю, наших людей. Признание читателя — высшая для писателя награда.

Все видели на берегах или на стенах у мостов надписи:

«Не бросать якорей!» Это к тому, чтобы не повредили якорями трубы и электрокабели на дне. Но слова эти можно иначе прочесть: «Не бросайте якорей раньше времени, не изменяйте морю, не забываете корабли!»

Писатель Сахарнов не изменяет морю. Много морей на нашей планете. Значит, ждут писателя новые поездки, а читателя — новые интересные книги.

Н. Сладков

В ХОЛОДНОМ МОРЕ

МОРЖ

Плывёт морж над илистым дном, клыками ил копает.
Прокопал грядку, прорыхлил, давай лапами комья перетирать.

— Тебе, морж, только огородником быть!

— Огород ни при чём: это я ракушки из-под земли достаю. Ракушки-то, они сейчас вкусные!

БЕЛЫЙ МЕДВЕДЬ

Лёд. Во льду промоина. В промоине рыба ходит.

Забрался мишка в промоину. Шумит, лапищами воду толчёт: бум — по воде — бум!

Это он так рыбу ловит. Оглушит рыбину, зацепит когтями — и в рот.

Вкусно!

СЕЛЁДКА

- Рыщет по морю селёдка, носом туда-сюда тычется.
— Что, селёдка, по морю рыщешь, считаешь кого?
— Родственников ищу, родичей. Пересчитать их думаю.
— А много ли, селёдка, их у тебя?

— Немного, немного. Килька — раз, салака — два, рыба-залом — три, черноспинка — четыре. А ещё — иваси, шпроты, анчоусы. И ещё есть.

— Э-э, селёдка, да тебе их вовек не пересчитать!

БЕЛЁК

Лежит белёк на снегу. Снег белый, шёрстка у белька тоже белая. Никто его и не увидит.

Только тюлениха-мать увидит. Сейчас она из полыньи вылезет, сына кормить будет.

ПАЛТУС

Плыл палтус над самым дном. Заприметил песчаное местечко, ударился о дно, замер. Поднялась туча песка, села, как одеялом палтуса накрыла.

— Лежишь?

— Лежу. Добычу стерегу. Тс-сс-с! Вон раззява плывёт!

КОТИК

Волнуется на каменистом пляже котиковый народец: кто рычит, кто хрюкает, а самые маленькие — чёрненькие котята — блеют:

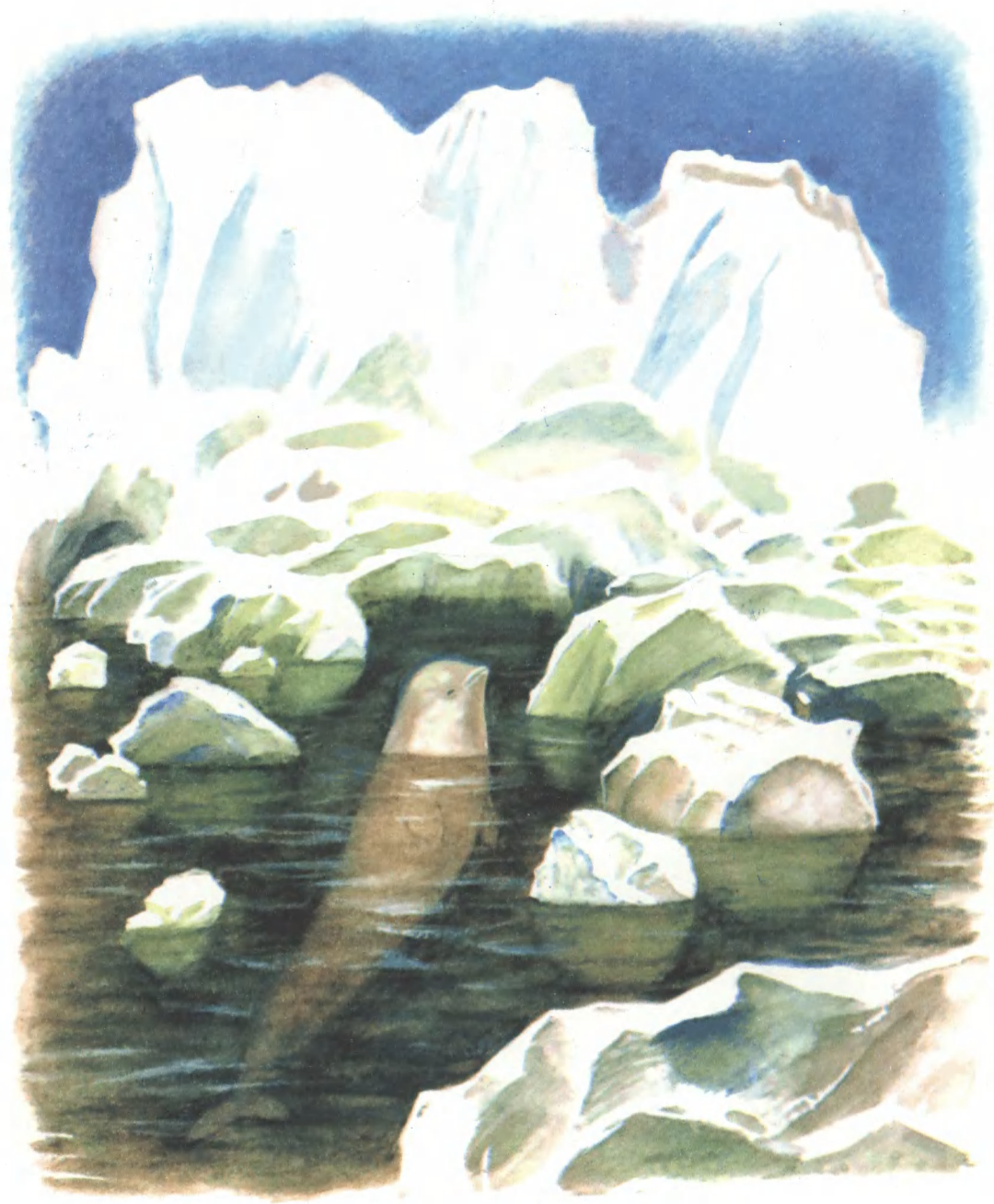
— Бэ-ээ-э!

Это значит: «Где мама? Я уже голодный!»

Вот она, твоя мама. из воды вылезла, к тебе идёт.

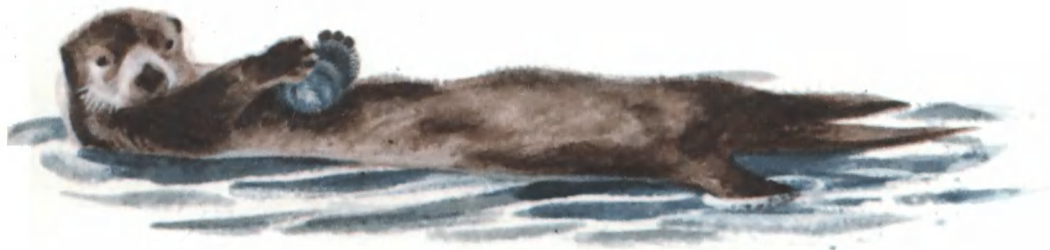

БЕЛУХА

Плавает в полынье белуха — белый кит, тяжело дышит.

— Что, белуха, вздыхаешь?

— Жизнь не легка. Пока за рыбой гоняешься, того и гляди, полынью лёд закроет, дышать нечем будет. Полынью караулить начнёшь, рыба уйдёт. Уф-фф-ф!

КАЛАН

Вынырнул калан, перевернулся, лёг на волну спиной, лапы на животе скрестил.

— Что лежишь, калан? Чего лапы сложил? О чём думаешь?

— Лежу не просто, обедать собираюсь. А в лапах двух морских ежей держу, на дне отыскал. Думаю, с какого начинать?

КИТ

Охотился кит за рыбьей мелочью, за рачками-черноглазками. Разбежится, пасть раскроет — ап! — полная пасть. Что добыча мелка — хорошо: у кита глотка узенькая.

— Нырни, кит!

— Не хочу, наелся. На воде полежу.

КРАБ

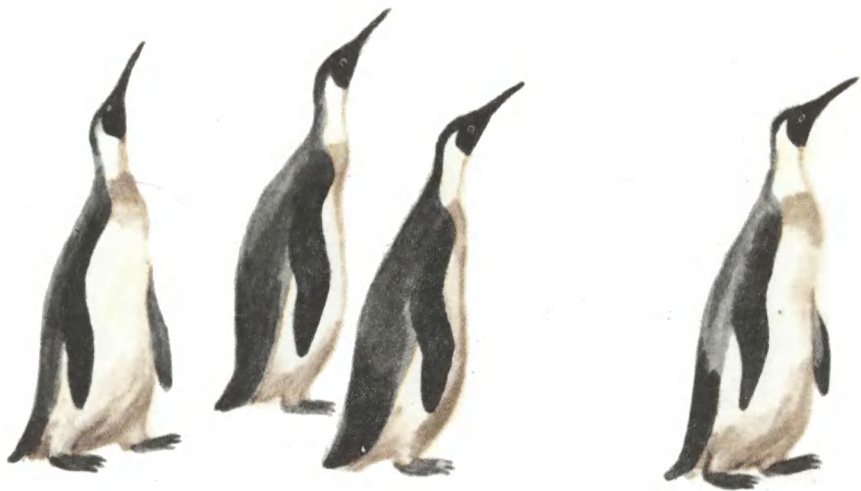
Шёл краб по дну, колючие ноги переставлял, не заметил яму с илом и бух — свалился в неё.

Запорошило илом жабры, дышать стало трудно.

Поднатужился:

— Ап-чхи!

— Будь здоров, краб!

ПИНГВИНЫ

Плывёт по океану ледяной дом. Полон народу. На верхушке Фомка-поморник сидит, пониже чайки устроились, а у самой воды — пингвины. Ишь как стоят — рядками, ровненько, как часовые. В воду — никто.

В воде их враг — хищный кит-косатка бродит.

— А мы на льду! Нам и тут хорошо!

МОРСКОЙ СЛОН

Узок каменистый пляж. Дорого место на берегу.

Столкнулись на пяточке два морских слона. Хоботы кровью налились, глаза выпучены.

— А ну, пусти!

— Не пущу. Сам поди прочь!

В ТЁПЛОМ МОРЕ

ДЮГОНЬ

Хорошо на подводном лугу. Вода тёплая — солнышко её до самого дна прогревает. Кругом трава — сочные зелёные водоросли. Ползёт по лугу дюгонь. Морду в зелень тычет, чавкает. Из травы усатые рачки-креветки — порск! порск!

— Эй ты, губастый! Поосторожнее. Чуть с травой нас не съел!

КАШАЛОТ

Плыл по океану кашалот. Остановился, набрал полную грудь воздуха, ноздрю закрыл, хвост флагом вверх выбросил — пошёл на глубину.

Полчаса проходит. Час. Нет кашалота.

Наконец вынырнул.

— Долго же ты!

— За кальмаром гонялся. И что это он так от меня кинулся?

— Наверное, зубы твои разглядел!

— Так ведь там внизу темно. Как же он мог их увидеть?

— А у него каждый глаз — с колесо!

РЫБЫ КОРАЛЛОВЫХ РИФОВ

У коралловых камней — рифов — бродит акулёнок. Дрожит, жмётся в кучку рыбий народ.

— Неужто, рыбы, у вас от него и защиты нет?

— Как — нет? У меня, спинорога, — рог на спине. Спрячусь в каменную норку, рог подниму, в потолок упрусь — меня и не вытащить!

— А у меня, кузовка, — панцирь. Я в нём, как черепаха в домике.

— А у меня, красной крылатки, кончики игл ядовиты. Только попробуй тронь!

— Что же вы тогда, рыбы, дрожите?

— Всё равно боязно. Зубов-то у него, у разбойника, вон сколько!

ОСЬМИНОГ

По дну — осьминог. То, как клуб дыма, катится, то, как паук, ноги переставляет. Видит, навстречу ему краб.

— Здорово, десятиногий!.. Что молчишь, не видишь меня?

— Нет.

— Хе-хе! А ты присмотришь. Это я в два цвета раскрасился. По песку шёл — жёлтым был. Потом в водоросли попал — зеленеть начал. Здесь я, здесь, рядом.

ЛЕТУЧАЯ РЫБА

Неслась под водой рыба, сама себя хвостом подгоняла.
Разогналась, из воды выскочила, крылья-плавники расправила и полетела

— Чем я хуже птицы?

— Голоса, рыба, у тебя нет.

— А он мне и не нужен.

И обратно в воду — шлёп!

РЫБА-МЕЧ

Мчится среди волн рыба — на носу меч, — никого не боится, никому дороги не уступает.

Навстречу — пароход.

— Может, ему уступишь!

— Никогда!

С разгона носом в борт — трах! Нет меча, сломался.

— Да-а, видно, кое-кому дорогу всё же уступать надо.

АКУЛА

Плывёт акула за кораблём, кухонные отбросы подбирает.

Мешок из-под мяса?.. В пасть.

Бутылка?.. И её туда же.

Кусок сала на крючке?.. Опасно глотать, да уж больно наживка хороша!

Охнуть акула не успела — очутилась на палубе.

— Ну, как сало?

— Горькое!

ЧЕРЕПАХА БИССА

— Что, черепаха, из моря вылезла?

— Пора пришла, яйца класть буду.

— А ты поближе к воде ложись.

— Нельзя: там песок сырой, моим черепашатам тепло нужно. Вот тут в самый раз — песок сухой, прогретый.

— Что же ты, черепаха, тогда плачешь?

— Черепашат жалко. Далеко им отсюда до воды бежать будет.

ДЕЛЬФИН

Качается на волнах корабль. Около борта дельфин крутится, чего-то ждёт.

Вышел на палубу человек, перегнулся через борт, приладил на спину дельфину железную коробку, шлёпнул по спине — нырнул дельфин.

— Куда, приятель, плывёшь?

— Недалеко. Тут в подводном доме водолазы живут. Я к ним.

— А в коробке что?

— Письма.

— То-то люди обрадуются. Торопись, почтальон!

ИЛИСТЫЙ ПРЫГУН

— Вот так лес! Корни у деревьев в воздухе, по стволам крабы бегают, на ветвях рыбы сидят.

Летела мимо муха. Рыба с ветки — прыг! Схватила муху на лету — и в воду, на дно. Закопалась в ил.

Удивительная рыба!

Так ведь и лес удивительный. Мангровый. Из моря растёт.

**МОРСКИЕ
СКАЗКИ**

КАК КРАБ КИТА ИЗ БЕДЫ ВЫРУЧИЛ

Охотился кит за рыбьей мелочью.

Рыбья мелюзга в океане тучами ходит. Кит набежит, пасть разинет — ап! — и полон рот. Пасть захлопнет, воду сквозь усы процедит. Всю мелюзгу — в глотку. Глотка-то у него маленькая.

Рыбёшка как увидит кита — сразу к берегу. Кит за ней. Разбежался — рраз! — и вымахал на берег.

Хорошо, что кит — зверь, а не рыба: без воды не помрёт.

Лежит на песке, как чёрная скала, — ни туда, ни сюда. Тяжко вздыхает: жди теперь, когда вода придёт!

Тут по берегу волки.

Голодные.

Рыщут, чем бы поживиться. Видят — гора мяса. Едва шевелится.

Подбежали. «С какого бока начинать?» — прикидывают. Увидел это из-под воды краб.

— Конец киту! Свой морской зверь — надо выручать. Вылез на берег.

— Стойте! — кричит волкам. — И я с вами. Кита на всех хватит. Вот дождёмся — все и примемся.

Волки остановились.

— Чего ждать-то?

— Как — чего? Не знаете разве: кита только при луне едят. Чем луна выше, тем китятина вкуснее!

Удивились волки, но спорить не стали. Краб в океане живёт, с китом. Ему — пучеглазому — видней.

Расселись на берегу вокруг кита, морды кверху задрали.

Уж вечер — недолго ждать луны-то!

Кит лежит, вздыхает.

Вот из-за горы луна выглянула и поползла вверх по небу.

Волки сидят, на кита смотрят. Не замечают, что в океане вода поднимается. С голоду зубами щёлкают. На краба поглядывают: не пора ли за кита приниматься?

Краб сидит себе, клешнями бока поглаживает.

Вдруг чуют волки — сидеть мокро стало.

Отбежали к горе, а с кита глаз не спускают.

Стала луна у волков над головами.

Почуял и кит под собой воду. Вздохнул, набрал полную грудь воздуха — да как даст хвостом! Брызги во все стороны.

Волки врассыпную.

Кит воду хвостом пенит, на волков волну гонит. Волки на гору.

Кит развернулся головой к морю, забурлил хвостищем и пошёл, пошёл! Выплыл на глубину, набрал воздуха — и пропал. Только его хвост и видели.

И краб потихоньку — боком, боком — за ним.

Опомнились волки — ни кита, ни краба! Долго на берегу сидели. То вверх, на луну, поглядят, то вниз, на воду. Ничего не понимают — народ сухопутный. Откуда им знать, что на море-океане отливы бывают и приливы!

И чем луна выше, тем приливы сильнее.

КОРАБЕЛЬНАЯ МУХА И БРЫЗГУН

Жила на корабле муха.

Больше всего на свете любила она давать советы.

Тянут матросы канат — муха тут как тут!

— Ж-ж-живей! Раз-з-зом, раз-з-зом!

Гудит, пока не прогонят.

Залетела муха на корабельную кухню — камбуз. Там повар — кок, весь в белом, компот варит.

Села муха на полку, где стояла соль, и зазвенела:

— Из-з-зюм з-з-забыл, из-з-зюм! З-з-зря, з-з-зря!

У повара изюм давно положен. Терпел он, терпел — да как хлопнет полотенцем. По мухе не попал, а соль в компот — бух!

Муха вон из кухни.

Видит: на палубе корабельный пёс свой хвост ловит. Она к нему:

— С-з-зади, раз-з-зиня, с-з-зади! З-з-зубами, з-з-зубами!

Пёс — на муху. Промахнулся — да за борт бултых! Еле спасли.

А муха уже в щели сидит.

Как от неё, липучей, избавиться?..

Пришёл корабль в жаркую страну. Остановился. Вылезла муха из щели.

— Ж-ж-жарко! З-з-зной!

Села на борт в тени. Сидит, в воду смотрит.

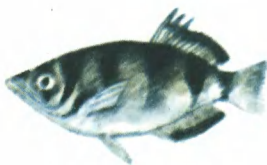
Глядь — всплывает из глубины короткая, широкая рыба. Спина серо-зелёная, на боках четыре полосы.

Хотела муха дать рыбе совет, как лучше в воде плавать. Не успела. Набрала рыба воды в рот — да как брызнет в муху!

Сбила её с борта. Полетела муха кувырком в воду! Пока летела, успела прожужжать:

— Ж-жуть!

А что жуть — неизвестно. Брызгун-рыба её — хоп! — и проглотила.

ЧИЛИМ И ТРИ ПОЛЗУНА

Плавал чилим между камней, мшанку-зелень щипал.

Чилим — рачишка маленький, креветка усатая, — как рыба плавает, как блоха скачет. Щёлк хвостом — и пропал.

Плавает, а в голове у самого: «Как бы отлив не прозевать!»

Посмотрел кругом — всё спокойно.

Бычок глазастый поверх ила лежит, добычу высматривает. Рачок-балянус в домике спит, усы выставил. Хороший у него домик: известковая бутылочка с крышечкой. Другой рак — отшельник — по дну бредёт, дом на себе тащит. Дом-то у него краденый — улиткина раковина.

Никто уходить не торопится — верно, отлив не скоро... Вдруг видит чилим — на дне три коричневых шара. Что-то знакомое, а что — никак не вспомнит. Он к ним.

Только подплыл — сразу у шаров иголки торчком встали. Чилим назад — прыг!

А шары зашевелились и поползли по дну.

Забавно ползут! Выпускают между иголок жёлтенькие ножки-присосочки. Вытянется ножка, присосётся к камешку и потянет шар вперёд. За ней другая.

Ба! Да это же морские ежи! Как он их раньше не узнал?

Развеселился чилим. Хвостом щёлкает, вокруг ежей прыгает.

«Только бы до отлива в море уйти!»

Подумал — и снова забыл.

А ежи по камням ползут, позади себя три дорожки оставляют. Зелень с камней съели, как ножом сняли.

Влезли на большую глыбу, на самой макушке возятся.

Присмотрелся чилим.

— Ай, ай, ай! — даже подскочил от ужаса. — Ежи камень грызут!

Один приподнялся, стало видно: снизу у ежа рот, во рту пять белых зубиков. Молчат колючие, скоблят зубами камень. Выскоблил себе каждый ямку, лёг, иглы растопырил и давай кружиться, камень сверлить.

«Сумасшедшие! — решил чилим. — Делать им нечего».

Уходят ползуны потихоньку в камень, будто тонут. Камень мягкий — ракушечник. Стенки между дырами развалили — получилась общая яма на троих.

«Столько колючек, а в камень прячутся. Глупые!» — подумал чилим.

Хватился — нет вокруг воды. Проглядел отлив! Затрепыхался, забился. С камня на камень скачет, задыхается.

«Вот и пропал!»

Из последних сил подпрыгнул, перевернулся да в яму с водой — шлёп! Отдышался, видит — рядом иглы торчат. Так

это он к ежам угодил! Ну до чего хитрые: яму-то не зярыли! Им теперь отлив не страшен.

«А как другие морские жители!—вспомнил чилим. Высунул из ямы голову.—Поди, все погибли?»

Как бы не так!

Бычок в мокрый ил закопался. Один хвост торчит. Балянус в свой домик-бутылочку спрятался, крышечку захлопнул. Рак-отшельник в раковину залез, вход клешнёй, как пробкой, заткнул.

У каждого свой запас воды:

у бычка— в иле,

у балянуса— в бутылочке,

у отшельника— в раковине.

Все устроились, все прилива ждут.

КАК ЛАСКИРЬ УЧИЛСЯ ХВОСТОМ ВПЕРЕД ПЛАВАТЬ

У ласкиря, морского карася, врагов в море—не сосчитать. Вечно он носится взад-вперёд, от чьих-нибудь зубов спасается. И вот вздумалось ласкирю научиться хвостом вперёд плавать.

«Научусь,— думает,— и тогда дудки—никому меня не поймать! Поворачивать не нужно—от любого удеру. Только где такую рыбу найти, которая бы научила?»

Прослышал ласкирь, что неподалёку живёт морской конёк и что он не как все рыбы плавает.

Кинулся его искать. Видит—торчит из травы маленькая лошадиная голова. Грива лохматая, нос трубочкой.

— Эй,— кричит ласкирь,— выходи, лошадиная голова! Потолковать надо.

Качнулась трава, выплыла из неё рыбка. Плывёт стоймя, грудь вперёд, хвост колечком закручен.

— Зачем,— говорит,— звал?

Рассказал ласкирь.

— Нет,— говорит рыбка.— Я только головой вверх плавать умею. Поди-ка ты к камбале: она, говорят, тоже как-то по-своему плавает. Уж не хвостом ли вперёд?

Начал ласкирь камбалу искать.

Забрёл на песчаную мель. Плывёт, на оранжевый песок смотрит. Перед самым его носом крабчонок-плавунец вертится.

Вдруг из песка какая-то рыбина как выскочит! Схватила плавунца и обратно на дно пошла.

Плывёт рыбина на боку, всем телом, как тряпка, колышется.

Ласкирь за ней.

— Уж не ты ли камбала будешь?— спрашивает.

— Я,— отвечает. Легла на дно и давай закапываться, плавниками песок на себя набрасывать.

Закопалась, одни глаза торчат.

— Ловко ты плаваешь!— говорит ласкирь.— А хвостом вперёд умеешь?

— Нет,— отвечает,— не умею. Но слышала я: далеко на юге, в тёплых реках, рыба-лист и синодонт-рыба живут. Те, говорят, по-всякому умеют.

Делать нечего. Отправился ласкирь за тридевять морей искать реки с диковинными рыбами.

Долго искал.

Бредёт раз по тёплой реке, видит— плывёт навстречу лист. Бурый, с тёмными жилками, лопаточкой кверху, черенком вниз.

А ласкирь-то голодный.

«Дай,— думает,— отщипну кусочек».

Только к листу сунулся, а тот в сторону как метнётся!

Ба! Да это же рыба! Висит в воде головой вниз, на подбородке лоскут, как черенок.

— Ну,— говорит ласкирь,— и дела! Вот ты где, рыба-лист! Ну-ка покажи, как хвостом вперёд плавать!

— Эко выдумал!— отвечает рыба.— Я только так — головой вниз — умею. Не мешай! Видишь, вон к той малявке подкрадываюсь!

И поплыла дальше.

Пришлось ласкирю синодонта искать. Выбился из сил, отошал, еле хвостом ворочает.

«В последнюю реку,— думает,— загляну — и домой!»

Зашёл в реку, глядит — плывёт странная рыба. У всех рыб спина тёмная, брюшко светлое, а у этой — наоборот.

Ласкирь к ней.

— Не видала ли, — спрашивает, — синодонта?

— Как не видеть? — отвечает. — Я сама синодонт и есть!

Ласкирь от радости даже подпрыгнул.

— Научи поскорей, — молит, — хвостом вперёд плавать!

Усмехнулся синодонт, перевернулся брюхом кверху и говорит:

— Вот так плавать — спиной вниз — могу научить. Только у тебя для этого цвет неподходящий. Сам знаешь: плавать тёмным кверху нужно, чтобы птицам нас не так заметно

было... А насчёт того, чтобы хвостом вперёд... сколько лет живу на свете, не слыхала, чтобы так плавали. Нет таких рыб!

Опечалился ласкирь, повернулся и пустился в обратный путь.

Вышел из реки в море.

Плывёт между коралловых веток, а ему навстречу медленно-медленно хвостом вперёд рыба выплывает!

У ласкиря аж дух перехватило.

А рыба плывёт себе как ни в чём не бывало. Сама

широкая, в жёлтых и бурых узорах, зубы как щетинки. Через всю голову тёмная полоса идёт, глаз на ней и не видно. Зато с каждой стороны хвоста по чёрному пятну: ни дать ни взять — глаза.

Плывёт рыба этими пятнами-глазищами вперёд — ни за что не скажешь, что это она задом пятится.

Стал ласкирь с рыбой знакомиться, а это оказался щетинозуб, морскому окуню родня.

— Так и быть, — говорит, — выучу тебя хвостом вперёд плавать. Смотри!

Поставил щетинозуб хвост прямо, толкнулся плавниками от себя и подался назад. Потом ещё и ещё.

Только ласкирь хотел попробовать, откуда-то сбоку акулёнок выскочил. Целил щетинозуба схватить, да не разобрал, где у того голова, и проморгал.

Ласкирь наутёк.

Мчится, от куста к кусту бросается.

Оглянулся — за ним щетинозуб головой вперёд летит, хвостом воду сверлит.

Заскочили оба за камень, отдышались, ласкирь и спрашивает:

— Чего же ты не хвостом вперёд плыл?

А щетинозуб отвечает:

— Ишь ты какой! Попробуй удери хвостом вперёд! Я ещё жить хочу... Ну, так как, учить тебя дальше?

— Не нужно, — говорит ласкирь. — Удирать головой вперёд я и сам умею. Счастливо оставаться!

И поплыл к себе домой...

Так и не научился ласкирь плавать хвостом вперёд. Но до сих пор цел.

Хоть и головой вперёд, а от всех удирает!

МОРСКОЙ ПЕТУХ — ТРИГЛА

Прошёл по морю слух, что появилась в нём новая рыба.

Собрались морские жители, потолковали и решили послать к ней ласкиря.

Пускай, мол, всё узнает, расскажет. Если рыба стоящая — все пойдём смотреть, а нет — так и времени терять нечего.

Ласкирь на подъём скор. Один плавник здесь, другой — там. Живо к новенькой слетал, вернулся и рассказывает:

— Нашёл. У песчаной косы стоит. Своими глазами видел. Ух и рыба! Спина бурая, брюхо жёлтое. Плавники как крылья, синие с золотом! А глаза... знаете какие?

— Чёрные?

— Ну да! Ни за что не угадаете. Голубые!

Ласкирь от удовольствия на месте крутится. Вот это новость принёс!

— Голубые? Это ты, брат, того!..—усомнился морской конёк.

— Отсохни у меня хвост, если вру!—клянётся ласкирь.— Стойте здесь—ещё сбегая.

Убежал. Возвращается, язык на боку.

— Чудеса!—говорит.—Хотите верьте, хотите нет. Только я приплыл, опустилась рыба на дно. Выпустила из-под головы шесть кривых шипов, упёрлась ими в дно и пошла как на ходулях. Идёт, шипами песок щупает. Найдёт червя—и в рот...

Рассердились морские жители на ласкиря. Где это видано, чтобы рыба пешком по дну ходила?

— В последний раз,—говорят ему,—посылаем. Беги и всё заново доложи. Чуть соврёшь—пеняй на себя!

Умчался ласкирь.

Ждут его, ждут. Нет вертлявого.

Собрались было сами идти, глядят—плывёт. Растрёпанный, весь в песке! Рот раскрыл—до того ему говорить не терпится.

— Слушайте, слушайте!—кричит.

Отдышался и начал.

— Приплыл я,—рассказывает,—к рыбе. Пошла она по дну—я сзади. Вдруг навстречу сеть. Громадная, как стена. Захватили нас рыбаки сетью и вытащили на берег. Ну, думаю, конец пришёл. А рыбаки на меня и не смотрят. Увидали новую рыбу—и к ней. Только хотели её схватить, а она шаром раздулась, плавники встопорщила да жаберными крышками как заскрипит: «Зз-грры! Зз-грры!» Испугались рыбаки—и бежать. Рыба хвостом стук по песку—и в воду. Я за ней... Вот было так было!

Поразились рыбы.

— А что,—спрашивают,—у неё за хвост?

— Обыкновенный,— отвечает ласкирь,— лопаточкой.
Видит — не убедил.

— Ах, да,— говорит,— чёрное пятнышко посередине!
Ну, раз даже пятнышко заметил, значит, видел!

Отправились все к незнакомой рыбе.

Нашли. Назвалась она морским петухом — триглой.

Смотрят — верно: спина у неё бурая, брюхо жёлтое,
плавники синие с золотом, глаза голубые.

Правду говорил ласкирь.

А шипы? Есть шипы. Прошлась тригла на них.

И это правда.

А голос?

И голос есть. Заскрипела, заверещала так, что все от-
скочили.

И тут ласкирь прав.

Вон и хвост такой, как он говорил,— обыкновенный,
лопаточкой... Э-э, а чёрного пятнышка-то нет!

Обрадовались рыбы, крабы. Схватили ласкиря и учинили
ему трёпку. Не ври! Не ври!

И зачем он сгоряча это пятнышко выдумал?

Много ли нужно добавить к правде, чтобы получилась
ложь?

Не много — одно пятнышко.

ЛЮБОПЫТНЫЕ НАВАГИ

Говорят, на суше любопытному нос прищемили. А в море с любопытными вот что было.

Жили в море четыре наваги. Бока белые, спинки зелёные. Рыбы как рыбы, только любопытные-прелюбопытные.

Подерутся где-нибудь крабы, поспорят рыбы—наваги тут как тут. Одна за другой приплывут и смотрят: кто кому ногу обломит? Кто кого переругает?

Так вот. Плывёт как-то одна из наваг, видит — ползёт по дну морская звезда. Лиловая с жёлтыми пятнышками, спина горбом, пять лучей во все стороны раскинуты.

Цепляется за дно ножками-присосочками и ползёт. Через камни, по песку — никуда не сворачивает.

«Куда бы это она?» — подумала назага.

Смотрит: три её подружки, одна за другой, плывут. Собрались вчетвером, стали за звездой подсматривать.

А та заползла за большущий камень, нашла там полкамбалы и остановилась.

— Знаю! — шепчет первая навага. — Эта камбала здесь второй день лежит. Восемь крабов вчера её ели, половину оставили.

— Ишь ты! — отозвалась вторая. — Восемь ели — не доели, а она одна хочет.

— Какая жадная! — подхватила третья.

— И что она только думает? — спросила четвёртая. — Рот-то у неё вон какой маленький.

— Подавится или лопнет! — решили наваги.

Пока они толковали, звезда боком к рыбине примостилась.

Рот у звезды снизу, как раз посередине живота. Как же она есть будет?

Примостилась, раскрыла рот и стала из него какой-то оранжевый пузырь выпучивать.

Язык?

Не может быть: нет у звезды языка.

Что же это?

А пузырь всё больше и больше, словно вся звезда наизнанку выворачивается.

Накрыла она камбалу пузырём, обернула со всех сторон и замерла.

Лежит молча. Страшно.

И вдруг поняли наваги, что оранжевый пузырь — это желудок звезды, что это она так, на свой манер, проглотила камбалу и ест.

Засуетились.

— До чего она страшная!— говорит первая навага.

— В рот не брала, а проглотила!— удивляется вторая.

— Да с каким фокусом — шиворот-навыворот!— поражается третья.

— Бр-р!— вздрагивает четвёртая.

Плыла мимо горбуша — толстая спина, острый зуб. Слышит — шумят рыбы.

Она туда.

Налетела, пасть раскрыла да всех четверых и проглотила. Попросту, без фокусов.

И ушла...

С тех пор рыбы в море без дела кучей не собираются, не галдят, на диковинки не глазят.

Любопытным в море головы не сносить.

РАК-МОШЕННИК

Давным-давно это было. Собрались на совет раки решать, кому где жить.

Кто побольше—в море пошёл. Кто поменьше—в реки.

Остался самый маленький рачишка. Зелёного цвета, одна клешня больше, другая—меньше. Хвост и брюшко мягкие, слабые.

Ростом маленький, а хитрый-хитрый.

— Куда большие пошли, уж там, верно, лучше,— рассудил он. И пошёл жить в море.

Прошло немного времени. Видит рачишка: несдобровать ему!

В море хищников разных, рыб зубастых видимо-невидимо. Того и гляди, бычок-страшило съест или краб клешней перешибёт.

Где уж тут до хорошей жизни!

Залез рак под камень. Высунется оттуда, схватит травинку или червяка—и обратно.

Видит однажды: ползёт мимо улитка-береговушка.

Хорошо береговушке: носит она раковину на спине. Чуть что—спряталась в неё. Свой дом!

«Вот бы мне такой!»—думает рак.

Голова у рачишки маленькая. Что-нибудь хорошее придумать — умишка недостаёт, а обмануть — хватит.

— Здравствуй, соседка!— говорит.— Вылезай из домика, потолкуем.

— Некогда,— отвечает улитка.— Не видишь разве — то-роплюсь. Сёстры ждут. Да и не оторваться мне, пожалуй, от домика: с ним расту!

И поползла дальше. К вечеру за ближним камнем скрылась.

— Ах ты, слизняк безмозглый!— рассердился рачишка.— Ну погоди, выманю я тебя из раковины!

Прошёл год. Опять встретился у своего камня рачишка с улиткой.

— Где это ты пропадала? Отдохни. Поди, устала дом на себе таскать? У меня для тебя что-то есть. Вылезай — покажу.

Обманывает рачишка: ничего у него нет. Два уса зелёных и те не отдаст.

— А мне ничего не нужно, — отвечает береговушка. — Вот разве клешню бы, как у тебя. Худо без рук!

— Есть, есть у меня под камнем клешня! — обрадовался рачишка. — Полезай за мной!

Не поверила улитка: виданное ли это дело, чтобы клешня одна без рака под камнем лежала!

Тут, откуда ни возьмись, налетел на них морской ёрш-скорпена. Хотел рачишку целиком глотнуть. Промахнулся, хватъ зубами за клешню — и обломил её.

Рачишка под камень — шасть! Еле ноги унёс. Береговушка в свой домик спряталась.

Уплыл ёрш. И улитка уползла.

Прошёл ещё год. Новая клешня у рачишки отросла.

В третий раз встретился рачишка с береговушкой. Видит улитка — новая клешня.

— Откуда она у тебя?— спрашивает.

«Ну,— думает рачишка,— теперь-то я тебя из домика выманю!»

— Как — откуда? Говорил я тебе: под камнем была. У меня там ещё одна припасена.

— Дай мне!— просит береговушка.

— Самому нужна... Ну, да так и быть, уступлю. Ползи за мной.

Полез рачишка под камень.

Сунулась береговушка за ним — не пускает раковина. Еле-еле отодрала её от спины, вылезла, с непривычки поёжилась, поёжилась — и под камень.

А рачишка под камнем пролез, с другой стороны вылез. Обежал кругом — и к раковине. Хвост и брюшко в неё засунул, клешни и усы — наружу.

Поискала, поискала улитка под камнем — нет ничего!

Выбралась, смотрит, а рачишка спиной приподнял её раковину и бежит по дну прочь.

Осталась улитка без дома.

В тот же день ёрш её съел.

Рачишка с тех пор на себе раковину таскает. Прячется в неё, один-одинёшенек живёт. За это его называют раком-отшельником.

А ребята, когда случится его из воды вытащить, кричат:

— Рак-мошенник! Рак-мошенник!

И верно мошенник: в чужой дом залез.

КРАБИШКИН ДОМ

Жил в море... краб не краб, так себе — крабишка маленький. Сам с пяточок, ноги как спички, клешни как щипчики.

Пока совсем маленький был, жил где придётся, подрос — стал себе дом искать.

Вылез на мелководье, семенит вдоль берега, по сторонам смотрит.

Видит — камень. В камне щель.

Залез в неё. Ёрзает, ёрзает, никак не устроится.

Плывёт мимо бычок-старичок, голова с кулачок.

— Славный у тебя дом, — говорит, — будто для тебя построен.

— Много ты понимаешь!— обиделся крабишка.— Плохой дом: жёсткий он, да тёмный, да тесный.

— А тебе какой нужен?— удивился бычок.

— Нужен мне такой, чтобы в нём мягко было, светло и просторно! Где тебе, губастому, понять! Плыви, покуда никто не съел!

Пока бычок губой шевелил, слова подбирал, крабишка из щели вылез — и ушёл.

Скользко по камням идти. Вода через камни перекачивается, того и гляди, смочет.

— Поищу-ка я, где глубже.

Подался в море. Идёт по песку, а песок рассыпчатый, тонкий.

Нашёл ямку. Мягко, светло, привольно.

— Тут мне и жить!

Только в ямке устроился, видит — плывёт на него огромная рыбина. Рыло длинное, снизу белые усики, спина в костяных шишках. Осётр!

Крабишка с перепугу — в песок. Зарылся. Ни жив ни мёртв.

А чудище-рыба всё ближе. Над самым дном плывёт, усиками по дну шарит.

Доплыла до ямки, пошарила — и давай копать рылом песок.

Крабишка оттуда вверх тормашками! Вылетел — да наутёк. Бежит по дну, ноги выше головы подбрасывает.

Еле удрал.

Добежал до кучи камней. Влез между двумя, дух перевести не может.

Успокоился, огляделся. Камни крепкие, не то что рассыпчатый песок.

— Чем не дом?

Правда, не мягко тут, зато свету и места сколько хочешь.

— Останусь здесь!

Стал крабишка с камней мшанку ощипывать.

Вдруг сверху на него кто-то как бросится! На лету зубами — клац! — мимо. Развернулся — и снова на крабишку.

Тот удирать.

А это катран-акулка: спина и голова узкие, рот дырой, хвост полумесяцем.

Крабишка вокруг камня. Катран за ним.

Пока катран хвост заносил, крабишка камень кругом обскакал, углядел пещерку — и в неё.

Спрятался, сидит.

Катран над камнем прошёл, видит — никого нет, и уплыл.

«Ну, — думает крабишка, — отсюда я никуда! Не мягко тут, не светло, зато просторно».

Сел и ноги вытянул.

Только вытянул, мимо скат — морская лисица — плывёт. Учужала краба — и к камню.

Плывёт, как большущий лист колышется. Тело блином, хвост кнутиком, зубов полон рот.

А хитрющая! Даром не носится. Подплыла, на камень легла, давай голову в пещерку протискивать.

Полголовы протиснула, за клешню зубами хватить и потащила крабишку вон.

Пещерка-то просторная—не упереться, не зацепиться!
Чует крабишка—конец пришёл. Из последних сил рванулся—и обломил клешню.

Вырвался из лисьих зубов, прижался к камню, будто влип.

Поцарапала лиса зубами камень. Не достать краба! Съела клешню и ушла прочь.

Ушла она—крабишка боком, боком—да к берегу. Ладно, сам живой, а клешня вырастет!

Вот наконец и камни. Между ними ручейками вода. Уж сюда большой рыбе не дойти!

И бычок тут, сосед.

— Здравствуй, дедушка!

Нашёл крабишка знакомую щель—и в неё.

Вот где хорошо: и жёстко, и темно, и тесно!

Как будто для него—для крабишки—дом построен.

ЗЕЛЁНАЯ РЫБКА

Поспорили в Чёрном море кефаль, мерланг-пикша и белуга: кто из них сильнее?

Спорили, спорили и решили: кто дольше всех в прибой между камней продержится, против волны устоит, тот и есть самый сильный.

Выбрали у берега камни, выждали погоду посвежее и стали силу испытывать.

Первой поплыла к камням кефаль. Плыла, хвостом серебристым играла. А как подошла к берегу, стало её вздвперёд волной бросать, сразу поняла—дело плохо!

Крутит кефаль хвостом, в дугу сгибается, да против волны устоять не может. Рвётся вперёд, а вода её назад

тащит. Оробела, до камней не доплыла—назад вернулась.

Поплыла к камням головоастая пикша. Разогналась, до самых бурунов дошла. Спряталась между камнями в стоячей воде, но пришла волна и давай её от камня к камню швырять. Два раза об камень ударила, перевернула и назад с собой утащила.

Посмотрели рыбы на пикшу, испугались: жабры у неё песком забиты, перья на спине поломаны.

А белуге всё нипочём.

— Эх вы, мелочь!—говорит она.—Глядите, как я устою.

И поплыла вперёд.

Притихли рыбы. Даже озорные ласкирики-карасики остановились и смотрят, как белуга волну побеждать будет.

А белужья спина в костяных шишках уже у самых камней. Гребёт белуга плавниками, хвостом подгребаёт, на месте держится.

Две волны, одна за другой, набежали — устояла белуга.

Пришла третья волна, выше всех. Подняла белугу, повернула, протащила боком по камням и хвостом вперёд в море вынесла.

Решили рыбы: никому в море с волной не справиться. Такие силачи не устояли!

Вдруг, откуда ни возьмись, выплывает маленькая зелёная рыбка. Налимчик не налимчик, пескарёк не пескарёк: как пескарёк, маленькая, головка, как у налимчика, круглая, чешуи нет, по зелёной спине бурые пятнышки.

— Дайте,— говорит тихонько,— я попробую.

Засмеялись рыбы.

— Где тебе, пустяк! Не видишь, кто пробовал? Зачем лезешь?

Рыбка слова не молвила, хвостом вильнула, поплыла к камням. Плывёт вперёд, а вода встречная её назад тащит.

Два раза пыталась подплыть к камням рыбка, ничего не получилось.

Рыбы пуще прежнего над ней смеются.

Морские коньки хвосты в колечко закручивают, от смеха в траве переворачиваются.

В третий раз поплыла рыбка. Улучила минутку между двух волн, подобралась-таки к камням. К большому камню подплыла и легла на него брюшком.

— А ведь хитра, доплыла до камня!

— Ничего, ничего, волна пройдёт — смое! На берег выкинет,— говорили между собой рыбы...

Вот и волна. Прошла зелёной горою над камнем, рухнула на берег. Рассыпалась пеной, закружилась, завертелась и ушла.

Смотрят все, а маленькая рыбка лежит себе на камне как ни в чём не бывало.

Удержалась!

Пошли волны одна за другой, одна другой больше.

Замутилась вода, понесла поверх камней песок, мелкую гальку, пучки морской травы—ничего не разберёшь.

Стихло, и стало видно: лежит зелёная рыбка на камне как приклеенная.

Долго смотрели на неё рыбы, дивились. Потом стали друг у друга спрашивать—кто такая и откуда взялась?

Кривоногий краб на шум из-под камней вылез, поглядел выпученными глазами на рыбку и говорит:

— Нашли диковину! Да ведь это наша, черноморская, присоска! Она всегда так: присосётся и лежит. Поди её отдери!

Краб был старый-старый, он всё знал и никогда ничему не удивлялся.

КАМБАЛА И ЛАСКИРЬ

Когда-то, в далёкие времена, была камбала рыба как рыба. Всё у неё было, как у других: глаза по бокам головы, рот прямой, и плавала она, как все рыбы, спиной вверх.

А что с ней случилось, про то слушайте.

Встретились однажды на дне морском у большого зелёного камня камбала и морской карась — ласкирь.

Стал ласкирь камбале на свои незадачи жаловаться. Дельфин за султанкой охотился, ласкирь сунулся впереди него — попало ласкирю.

Рыбы на совет собрались. Пока ласкирь от дельфина бежал, опоздал — опять получил трёпку.

Пикши в траве дрались, ласкирь стороной проплывал. Не утерпел, впутался — и тут влетело.

Слушает его камбала, а про себя думает:

«Так тебе, вертлявому, и надо. Прост ты больно. Уж я-то в беду не попаду!»

Смотрят оба — червяк. Да какой длиннющий! Вот так пожива!

Не успел ласкирь рта открыть, камбала говорит:

— Чур, не хватать! Я делю.

Хорош червяк!

— Знаешь что, — хитрит камбала, — нам двоим такого червя много. Нужно с кем-нибудь поделиться. Поди позови ерша-скорпену!

Удивился ласкирь. С каких это пор камбала с другими делиться начала? Но спорить не стал: на троих так на троих!

Помчался за скорпеной.

Осталась камбала у червя. Глотнула кусок, другой, видит — сразу не управиться.

«Спрячу-ка я про запас!» — думает. И решила закопать червя под камень.

Начала песок рыть.

Носом роет, плавниками и хвостом помогает, песок выбрасывает.

Долго ли, коротко ли, вырыла камбала под камнем ход и затащила туда добычу.

Отплыла, посмотрела со стороны.

— Найдут! Нужно ещё дальше запрятать!

Слышит камбала шум: ласкирь с ершом к камню торопятся.

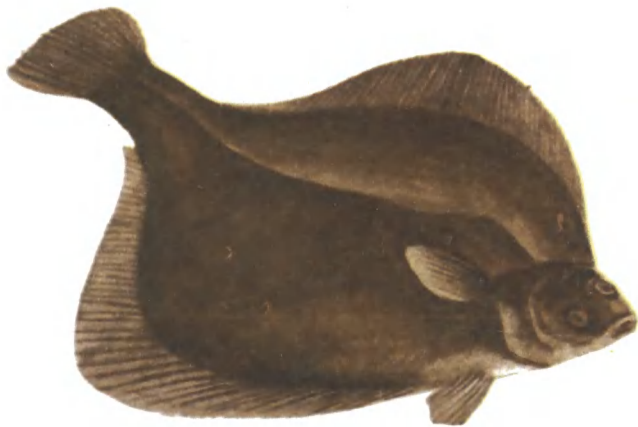
Испугалась, кинулась под камень. Давай ход ещё глубже рыть.

Ласкирь с ершом совсем близко.

Завертелась камбала под камнем. Пошатнулся он, наклонился, упал и камбалу придавил.

Примчались рыбы. Видят — лежит камень на боку. Изпод камня чей-то хвост торчит.

Тянули, тянули за хвост, вытащили. Смотрят и не узнают:

— Что за рыба?

Ни спины, ни брюха — одна левая сторона! Расплющило её камнем. Глаза и рот на левую сторону сбило.

Лежит камбала, кривой рот открывает, ничего сказать не может.

А червя-то нет!

Рассердился колючий ёрш на ласкиря: зачем в такую

даль ташил? Бросился обманщика за перья ловить. Еле ласкирь хвост унёс.

Тем дело и кончилось. Камбала такой коверканной навсегда осталась. И дети её, камбалята, кто на левую, кто на правую сторону вывернуты.

Ну и рыба!

ПОЧЕМУ ЩУКА В МОРЕ НЕ ЖИВЁТ

Говорят, на то и щука в море, чтобы карась не дремал.

Так-то оно так: если карась зазеваётся, щуке в зубы обязательно попадёт. Да ведь ни щука, ни настоящий карась в море-то не живут! Карась — речная рыба, озёрная. Щука тоже.

А был случай...

Надоело щуке в реке. Забежала она в море.

Вот где жизнь! В реке, в озере сидишь под корягой — темно, не пошевелиться... А тут свету сколько, простор! И в засаду прятаться не надо: кругом добыча, сама в рот лезет...

Вон на песке червячишка — подплывай да бери.

Щука только подплыла, а песок как взметнётся! Из песка — чёрная рыбина. Пасть — как мешок. Глазищи — на самом темени. На голове вырост — приманка — шевелится. Точь-в-точь червячок. Кинешься за ним — и прямо рыбе в пасть. Поминай как звали!

— Экое чудище! Да будь ты неладно!

Вильнула щука хвостом — и в водоросли.

Глядит — опять добыча. Сама навстречу идёт. Маленькая рыбка. Только странная какая-то: плывёт стоймя, головка лошадиная, на спине лохмотья, на боках все рёбра видны.

Глядит на щуку — глазами крутит: одним глазом в одну сторону, другим — в другую.

Плыла коричневыми водорослями, сама коричневая была. Приплыла в зелёные — зелёная стала.

— Что за рыба? Чего она глазами крутит? Уж не бешеная ли?

Щука в сторону.

— А ну её! В реках таких нет. В реках — караси-леже-боки пузатые...— Как вспомнила щука про жирных карасей, так в животе и заняло.

Помчалась вперёд. А тут ещё пожива: между камней рыба прячется; не шибко большая, губастая, вся в пятнах.

По-щучьему так: раз от тебя кто прячется — хватай его.

Щука с разгону пятнистую рыбу — хват! И свету не взвидела.

У пятнистой-то на спине шип. Как вонзился в нёбо — рта не раскрыть, ни сглотнуть, ни охнуть.

Насилу освободилась, развернулась — да назад, в реку.

Недолго в море погостила.

И всего-то видела она там: морского чёрта с приманкой, рыбку-конька да ерша-скорпену, ядовитую колючку.

С тех пор щуку в море и карасём не заманишь.

КАКОГО ЦВЕТА МОРЕ?

Случилось это летом. На Севере.

Собрались на вершине скалы молодые чайки-каюхи. С ними — старый чистик.

Сидят чайки, ждут, что им расскажет мудрая птица.

— Сегодня я расскажу вам, какого цвета море, — начал было чистик.

— Вздор! — выкрикнул молодой каюха. — Кто не знает, что море синее?

— Ну хорошо, — согласился чистик, — тогда слушайте про то, как злодей Фомка-поморник добывает себе пищу. Вы должны знать это, чтобы остерегаться его.

Но молодым уже надоело сидеть спокойно. Фр-р! Оп-оп! С шумом, хохотом разлетелись...

Незаметно пришла зима, рыбы опустились на глубину, охотиться за ними стало труднее.

Полетел как-то молодой каюха за добычей. Долго искал. Возвращается через день — нет стаи. Сидит только на скале старый чистик.

Удивился каюха: где товарищи?

— Куда улетели чайки? — спрашивает.

— А ты ещё здесь? — огорчился старик. — Твоя стая улетела на юг. Догоняй её.

— Но я не знаю дороги.

— Лети туда, где в полдень бывает солнце. Когда море трижды изменит свой цвет, ты и догонишь стаю. Торопись!

Бросился каюха со скалы. Только мелькнула внизу белая пена. Летит день, второй. Море под ним то светлее, то темнее, а всё — одного цвета.

«Видно, напутал старик! — думает каюха. — Каким же быть морю, как не синим?»

Только подумал так — впереди жёлтая полоса. Подлетел — большая река впадает в море. Плещут внизу мутные жёлтые волны.

Вот и изменился цвет!

Пустился каюха дальше. Снова под ним синяя вода. Высмотрел в ней косяк селёдки, метнулся вниз — есть добыча! Только стал подниматься — как зашумят над головой чьи-то крылья! Камнем падает сверху на него большая хищная чайка. Нос крючком, как у ястреба. Вот-вот ударит. Берегись Фомки-поморника!

Выронил каюха с испугу селёдку. Фомка её — хват! — и проглотил. Увязался за каюхой. Только тот поймает рыбёшку — Фомка налетит и отнимет.

Хоть плачь!

Насилу удрал от него каюха.

Долетел до гор. Здесь уже зимы нет. Жарко. Среди разогретых на солнце гор змеей вьётся залив. Вода в нём — красная!

Опустился каюха к самой воде — кишмя кишат в ней малюсенькие красные червячки. Вот оно в чём дело! Второй раз изменило море цвет.

Из последних сил уже летит каюха. Едва машет крыльями. Позади горы, позади залив. Впереди кудрявые острова.

Смотрит — а вода у островов зелёная, как весенняя тундра.

Густо, словно рыба икра, плавают в воде зелёные шарики — водоросли. И птицы над островами — вот она, стая!

Летят, торопятся со всех сторон к каюхе приятели...

Прошло полгода.

Снова вернулись чайки на Север. Опять стала белой от птиц большая скала.

Как-то опустился каюха в толпу молодых чаек. Отдыхали они после полётов, слушали рассказы бывалых птиц.

— Хотите, я расскажу вам, какого цвета море? — начал каюха, когда очередь дошла до него.

— Какие пустяки! — громко сказала самая молодая чайка.— Кто не знает, что море синее?..

ЖИВЫЕ ДОМИКИ

Я плавал у скалы, над неровным каменистым дном. Слабое течение покачивало внизу редкие веточки водорослей. Я искал морских ежей.

— У скалы их навалом!—сказали мне матросы.— Мы видели. Сидят—здоровые, иголки, как гвозди. Вот такие!

Но ежей не было. Я проплыл в одну сторону—нет. В другую—не видно.

Вот тогда-то и привлёк моё внимание домик. Маленький домик на дне—две щепки шалашиком.

Домик... полз. Он полз очень медленно и очень спокойно—видно, хозяин его не торопился. Я подплыл к домику и тронул пальцем одну щепку. Щепка задрожала. Я отвёл её в сторону—из-под неё торчал пучок фиолетовых игл.

Ёж! Ну конечно, ёж!

Я отбросил в стороны щепки. Ёж замер, тёмные иглы

встопорщились. Поняв, что я больше его не трону, ёж успокоился, опустил иглы и быстро-быстро двинулся в путь.

Он слез с камня и начал что-то искать на дне.

Неподалёку лежала крышка от консервной банки. Ёж примостился рядом и выпустил из-под игл несколько чёрных ниточек — ножек. На конце каждой — присосочек. Ножки потянулись к крышке. Вот первая дотянулась и замерла — присосалась... За ней вторая... третья...

Ёж что-то задумал!

Я смотрел во все глаза. Ножки поднатужились и подняли крышку. Они изгибались, шевелились, передавали тяжёлый груз одна другой. Крышка ползла вверх по иглам. Она доползла до самой ежиной макушки и остановилась. Получился щит.

Ёж покачал его: крепко сидит? Крепко! И снова полез вверх по камню. Теперь он лез спокойно — со щитом ему никакой враг не страшен.

Но где же остальные ежи?

Посмотрел я вокруг внимательно. Ну конечно, вон их сколько! Хитрецы: кто пучком травы прикрыт, кто — створкой раковины. Глянешь не знаючи — нет под скалой никаких ежей.

Одни живые домики.

ПИРАНЬЯ

Один мой приятель — капитан теплохода — уходил в рейс в Бразилию.

— Что тебе привезти? — спросил он на прощание. — Хочешь, привезу чучело колибри? Птица, а вся, с хвостом, в спичечный коробок влезет.

— Знаешь что, — ответил я, — привези мне пиранию. Только смотри, чтобы она тебя по пути не съела!

Пошутили и расстались. Приятель ушёл в плавание, а я про свою просьбу забыл на другой же день. Ну кто, в самом деле, будет везти через полсвета маленькую речную рыбку! Даже если это пиранья.

Кстати, вот что она такое.

Пиранья — родич нашего карпа, живёт в реках Южной Америки. За хищный нрав её часто называют речным волком. Ходят пираньи стаями и, как волки в стае, наглы и беспощадны.

Вот какие истории рассказывают о пираньях.

Один путешественник катался по реке в лодке и веслом ранил себе палец. Чтобы умерить боль, он опустил руку в воду. Вокруг раненого пальца тотчас же закурилось розоватое кровавое облачко.

В то же мгновение в руку впились десятки острых зубов. Путешественник закричал от боли и выдернул руку. Она была вся в крови, кусочки мяса из неё были выхвачены как бритвой, а раненый палец изуродован окончательно.

Другой раз в реку, спасаясь от слепней, вошло стадо коров. Пираньи напали на них. Через час в жёлтой воде остались только дочиста обглоданные коровьи кости.

Прошло более месяца после ухода моего приятеля. Сижу как-то я днём дома: Звонок. Открываю дверь,

вижу—стоит на лестнице мой капитан, весь коричневый от загара, и держит в руках банку, прикрытую марлей.

— Держи!— говорит он.— Еле довёз: три раза из банки на пол выпрыгивала... Ну, прощай, я ещё дома не был!

И ушёл.

Взял я банку. В ней плавает небольшая, с нашего окунька, голубоватая рыба. Бока в красных пятнышках. Морда тупая, короткая. Ничего особенного, только когда раскрывает рот — видны зубы.

«Ого, если такими тяпнуть за палец!»

Мне от такой мысли даже неприятно стало. Осторожно внёс пиранью в квартиру, перелил вместе с водой в пустой аквариум.

— Ну, теперь живи! Только чем тебя кормить?

«Конечно, сырым мясом!»

Сбегал в магазин. Принёс. Бросил кусочек в аквариум.

«Сейчас как цапнет! — думаю. — Брызги полетят».

Жду. Ничего. Отошла моя пиранья в сторону. Наверное, хитрит. Бросил я второй кусочек, а сам ушёл по делам.

Возвращаюсь — мясо не тронут. Пиранья стоит над самым дном, шевелит плавниками, на мясо никакого внимания.

Тогда я набрался отчаянной смелости и, чтобы разбудить в рыбе хищника, сунул в аквариум палец.

Пиранья не шелохнулась...

Не знаю, что она ела у моего приятеля на теплоходе, — может быть, у него была для неё какая-то особенная бразильская пища, — но у меня рыба заскучала.

В одном углу аквариума стекла были с браком — жёлтые, мутные. Отойдёт, бывало, пиранья в этот угол, уставится в стекло и смотрит. Должно быть, стекло напоминало ей мутную воду родной Амазонки.

Всего три дня прожила у меня диковинная гостья.

Когда на четвёртый день я вошёл утром в комнату, рыба неподвижно лежала на песке. Жабры её не шевелились. Она лежала, обращённая головой в тот самый жёлтый угол аквариума, где простояла накануне целый вечер.

БЕЛЁК

Эту историю мне рассказал Мирошниченко — капитан ледокольного парохода «Ладога». Мы стояли в заливе Советская Гавань, и капитан, когда я приходил к нему, всякий раз крутил в каюте киноролик о тюленях, который он снял во время плавания.

Белёк был нерпушонком — сыном жёлтой тюленихнерпы, белый-белый, пушистый, как заячья рукавичка. Только нос и глаза у него были чёрные.

Плавал он плохо, и поэтому мать держала его в лёжке, на снегу, возле большой ледяной глыбы — тороса.

Однажды мать отправилась в соседнюю полынью за рыбой. Белёк лежал и смотрел на мир круглыми, как бусины, глазами.

Вдруг рядом с ним появилась тень.

Это приближалась беда.

У матери Белька тени не было. Когда она ползла по снегу, то плотно прижималась к нему животом.

Бедой могли быть только медведи и люди. О них мать рассказывала столько, что Белёк отлично представлял их себе.

На всякий случай он ткнулся носом в снег и замер.

Всё тихо. Тогда он чуть-чуть повернул голову и покосил глазом.

Рядом с ним стоял мохнатый четырёхногий зверь с длинной шеей и опущенной до льда мордой. Медведь!

У Белька отчаянно заколотилось сердце и похолодели кончики лап.

Медведь не торопился. Он прошёлся около Белька, задел его лапой и грузно лёг на снег.

Нерпушок лежал ни жив ни мёртв. И вдруг он понял: медведь ждёт его мать!

Прошёл час. Впрочем, Белёк не знал, что такое час. Он даже не знал, что такое год, зима и лето. Ему было всего только две недели от роду.

Послышался лёгкий шум.

Ожидая увидеть мать, Белёк открыл глаза. Он даже раскрыл рот, чтобы издать предостерегающий крик, но так и обомлел. Прямо на него шёл второй медведь, ещё больше первого. Он шёл, размахивая головой из стороны в сторону. Из раскрытой пасти клочьями валилась на снег слюна. Громадные жёлтые лапы — хрум! хрум! — по очереди взлетали и падали в снег.

Медведь подходил всё ближе и ближе... Вот он поднимает лапу и...

Бах-тара-рах!—прогремело над самым ухом у Белька.

Первый медведь, который лежал рядом с ним, как-то нелепо дёрнулся, подскочил и развалился на части. Из-под него выскочили два существа, каждое с двумя ногами и гладким безволосым лицом.

«Люди!»—испуганно догадался Белёк.

В руках у одного человека была длинная блестящая палка, второй держал у самого лица маленький чёрный ящик с выпуклым глазом. Этот глаз он наводил попеременно то на Белька, то на второго медведя.

Первый человек поднял блестящую палку вверх.

Из палки брызнул огонь и выскочил клуб серого дыма. Бах-тара-рах!—второй раз загремело в воздухе.

И тогда медведь, грозный медведь с жадно раскрытой пастью, заревел от испуга, повернулся и, высоко подбрасывая задние ноги, кинулся наутёк.

Люди подошли к Бельку.

Первый человек закинул блестящую палку за спину, взял нерпушонка на руки и, широко шагая, понёс его к полынье. Там, то и дело поднимая надо льдом усатую голову, беспокойно кружилась мать. В зубах её дрожала белая головастая рыбина.

Не доходя нескольких шагов до полыньи, человек стал на одно колено и опустил Белька в снег.

Нерпушонок, часто работая лапами и смешно вертя головой, пополз к воде.

Прежде чем соскользнуть в полынью, Белёк оглянулся.

Круглый глаз больше не смотрел на него. Люди стояли, подняв каждый одну руку вверх, и выкрикивали что-то прощальное и не злое.

МОРЕ ПОД ОБЛАКАМИ

Один мой приятель был прошлым летом в экспедиции с учёными на берегу моря.

Разбили они лагерь.

Погода пасмурная. Только что отгрохотал шторм. Скалы мокрые. Из расселин ручейки. Низкие облака цепляются за верхушки скал. Облака невысоко — метров сорок.

«Дай,—думает мой приятель,—рукой потрогаю облако!»

Подумал так и полез на скалу. Лезет, по сторонам смотрит. Запоминает обратный путь.

Вверх не страшно, а вот вниз! Куда ногу ставить — не видно.

Лез, лез и долез до широкого уступа.

Посмотрел вверх. До облаков ещё метров десять. Посмотрел вокруг — в камнях на уступе лужицы.

Видит — в одной лужице что-то шевелится. Присел над ней на корточки. В красноватой воде — крабишка. Увидел человека и под камень — шась!

Посидел под камнем, любопытство одолело, высунул нос. Клешонками шевелит — ждёт, что человек делать будет?

А в луже он не один. По дну две витые ракушки ползут, чёрные моллюски их на себе тащат. Маленькие серые рачки шныряют, то в стайку собьются, то во все стороны — порск! И что самое удивительное — рыбка! Бычок, с мизинец толщиной. Глазастый, губы бантиком.

Очень удивился мой приятель. Как эта живность в дождевую лужу на верхушку скалы попала? Ну ладно, краб, моллюски, рачки по стенке могли залезть. А рыбка?

Странная компания! Не по воздуху ведь они сюда прилетели?

Захотелось приятелю пить. Макнул палец — и в рот. А вода-то в луже солёная, морская!

Тут он и сообразил. Никакая это не дождевая лужа. В шторм, когда волны о скалу разбивались, брызги вверх летели. Получились на уступе лужи. И морские животные с брызгами сюда попали — вон на какую высоту их забросило!

Ну, а что с ними дальше будет? Выглянет солнце, лужи высушит — и конец?

Опустил приятель в лужу руку, загнал бычка под камень, вытащил за хвост и швырнул в море.

Больше он никого не спасал. Краб и моллюски захотят — своим ходом уйдут, а рачков не поймашь — маленькие да вёрткие.

А может, солнца скоро и не будет? А будет опять шторм.

Снова полетят вверх солёные брызги. Переполнятся лужи водой и потекут ручейками вниз. Вместе с водой потекут их обитатели. Домой — в море. Посмотрел мой приятель ещё раз на крабишку, попрощался с ним и хотел было лезть дальше. А дальше — никак. Выше отвесная стена, ни одной ступеньки.

Так и не долез он до облаков. Метров десять. Чуть-чуть.

ДЕВОЧКА И РЫБА

Шёл пароход из Америки домой, в Ленинград.

Шёл и, встречаясь с кораблями, гудел в блестящую медную сирену: «У-у-у-у!»

В каюте, что под самым капитанским мостиком, ехала с отцом и матерью девочка. Звали её Нюся.

Выйдет, бывало, она на палубу, а палуба качается: вверх — вниз, вверх — вниз... Схватит девочка папу и маму за руки и ходит с ними.

А чуть останется одна — прижмётся к стенке и ни с места.

Отец позовёт:

— Нюся, смотри, какие дельфины прыгают! Иди сюда.

А она:

— Я здесь постою.

Мать скажет:

— Нюся, какие чайки летают! Иди их хлебом кормить.

А она:

— Мне и тут хорошо.

Боится одна шаг шагнуть. Ну что с такой трусихой делать?

Посередине океана — целое море водорослей. Бурые, зелёные, лохматые. Вытащили матросы здоровенную охапку и тряхнули — оттуда на палубу — брык! — рыба.

До чего безобразная: бурая, зелёная, в лохмотьях. Голова большая, курносая. Плавники как маленькие кривые ручки.

Налили матросы в ведро воды и пустили туда рыбу.

Голова у неё тяжеленная, перетянула — тык рыба носом в дно! Ручками-плавниками толкнулась, подпрыгнула. Не удержалась — кувырк через голову! — и опять на дно.

Матросы закричали:

— Рыба-клоун, рыба-клоун!

Пассажиры ахают:

— Вот так рыба!

А капитан слез с мостика и говорит:

— Эта рыба и верно клоуном называется. Живёт она в водорослях. Запутается и плавает с ними: сама-то плавать почти не умеет. Вот и держится, чтобы не перевернуться. Посмотрели? Давайте выпускать.

Нюся как закричит:

— Я не посмотрела! Принесите сюда.

Капитан оглянулся:

— А! Это та девочка, которая боится отпустить папымамыны руки? Понимаю: если она их выпустит, то перевернётся вниз головой, как эта рыба.

Нюся обиделась и говорит:

— А вот и не перевернусь. И выпустила руки.

Все засмеялись, а матрос взял ведро и пошёл тихонько к борту.

Нюся за ним. Показал матрос рыбу и—ш-ш-ш ух!—её

с водой за борт. Захлопала Нюся в ладоши и побежала по пароходу. Одна.

Видно, все её страхи вслед за рыбой-клоуном в море попрыгали.

МОКРЫЙ ЦИРК

Наш пароход стоял в южном порту.

Был июнь. Было жарко и скучно.

— Знаете что? Пойдёмте в цирк!—предложил мне помощник капитана.—Ручаюсь, в таком вы ещё не были. Не забудьте захватить фотоаппарат.

Я взял фотоаппарат, и мы с ним двинулись в путь.

Когда пришли, я очень удивился: что это за цирк? Крыши нет, местá под открытым небом. Посередине вместо манежа круглый бассейн. В нём вода.

Посмотрел я на воду и подумал: а как же будут падать

клоуны? Ведь в цирках они всегда падают. Неужто в воду? Ну для чего это нужно!

Я даже слегка расстроился.

Заиграла музыка, и представление началось.

Из небольшого канала в бассейн въехал плотик. На нём стояла девочка в белом платье и сидела собака. Ремни от плотика шли прямо в воду. В упряжке неторопливо плыл дельфин.

Вот так раз!

Я обрадовался, что попал в такой морской цирк. Девочка на плоту сделала круг вдоль стенки бассейна, и дельфин увёз её назад в канал.

Потом стали выступать акробаты. Два дельфина-белобочки. Они по команде выпрыгивали из воды и летели по воздуху, как связанные верёвочкой. «Оп! Оп!» Над водой опустили кольцо, и дельфины начали прыгать через него.

Затем над бассейном наклонили доску, на конце которой стоял человек. В руках у него была миска с рыбой. Дельфины выскакивали из воды и брали рыбу у человека прямо из рук.

Я не выдержал и захлопал.

— Артисты, — сказал помощник капитана. — Ещё клоуна бы сюда!

Между тем бассейн приготовили для игры. Я сразу угадал какой. По краям поставили щиты с кольцами. Под каждым кольцом верёвочная корзина. Баскетбол.

Две команды — животные в красных и животные в синих шапочках — приготовились. Судья свистнул в свисток и бросил на середину бассейна белый мяч.

Первый же дельфин схватил мяч в рот да как швырнёт его! Мяч подхватил второй... третий... Мяч закрутился и подплыл под щит. Тогда дельфин в красной шапочке цап его, подскочил вверх и прямо в кольцо — гол!

Брызги летели на публику дождём.

— Шайбу! — крикнул я.

И тут я увидел, что к краю бассейна подбирается человек в тёмном костюме и в шляпе. В такую-то жару!

Человек подошёл к краю бассейна и стал делать вид, что он очень увлечён игрой. Он наклонялся над краем, наклонялся и наконец — бултых! — полетел в воду.

Клоун! Я сразу понял, что это клоун. Подставное лицо.

Мне стало не по себе. Я встал, чтобы уйти. Но прежде решил сфотографировать на память дельфинов.

Я подошёл к самой воде.

Дельфины носились, как торпеды. Белый мяч с плеском скакал по коротким волнам. Бросок — и он опять в корзине.

Видно, мой аппарат был плохо привинчен к футляру. Когда я наклонился вперёд и начал прицеливаться, я почувствовал, что футляр пуст.

Я не видел, долетел мой аппарат до воды или нет. Я видел только, как подо мной метнулось чёрно-жёлтое тело и замерло. Бурля хвостом, у стенки бассейна стоял, наполовину высунувшись из воды, дельфин-афалина. В пасти он

держал мой аппарат. Ему было трудно стоять, и он всё время косил в мою сторону блестящим добрым глазом.

Я протянул руку и взял аппарат. В публике захлопали. Должно быть, меня приняли тоже за подставное лицо. За клоуна.

Но я не ушёл.

Я вернулся на место и сидел до конца этого удивительного представления.

ГОРОД ОСЬМИНОВ

Кинооператору нужно было снять под водой фильм. Фильм об осьминогах.

Он приехал в приморский город, и там местные рыбаки послали его на пляж, который начинался сразу же за последними домами.

«Где песок, там много света,— подумал оператор.— Неужели там будут жить эти сумеречные животные? И потом, во всех книгах пишется, что осьминоги любят скалы и прячутся днём в расселинах. Странно, очень странно!..»

Но всё же он взял подводную кинокамеру и отправился за город. Пришёл на пляж, надел свой акваланг, взял камеру и залез в воду.

Плывёт. Внизу песок. Светлый, почти белый.

«Но где же осьминоги?»

Осьминогов не было. Вместо них по песку бродили маленькие рачки-отшельники. Каждый таскал на себе домик-раковину. Когда на рачка падала тень от плывущего человека, он останавливался, поджимал лапки и валился вместе с раковиной на бок.

Попались и две пятнистые камбалы. Одна метнулась в

сторону, ударилась о песок и стала ждать, пока песок, оседая, засыплет её.

Вторая решила закопаться сама. Она легла на дно и, мелко-мелко перебирая плавниками, забросала себя.

Больше никакой живности тут не было. Крупные размытые пятна — тени облаков — бродили по дну. Виднелись полужасыпанные песком камни. Они лежали один в стороне от другого, и возле каждого почему-то валялись обломки раковин-мидий.

Около одного камня оператор на всякий случай нырнул. Камень как камень. На макушке пучок водорослей. Около камня — скорлупки.

Отбросил оператор одну скорлупку в сторону и поплыл дальше.

Так он искал целый час, но не смог увидеть ни одного осьминога.

«А говорили — их тут полно!» Оператор вздохнул, забросил за спину кинокамеру и повернул назад к берегу.

Плывёт. Под ним медленно движется дно. Вот и тот самый камень с пучком водорослей. Вот и скорлупка... Э-э, а кто это подтащил её назад к камню?

«Тут дело нечисто!»

Решил так оператор и нырнул ещё раз. Лёг на дно, приблизил маску к самому камню, заглянул под него. А ка-

мень-то приподнят! Под ним — щель. В щели — два глаза. Смотрят на человека, не мигают.

Сунул человек руку под камень, а в щели что-то мягкое, скользкое, живое. Отдёрнул. А из-под камня щупальце высунулось. Обхватило горсть раковин и подвинуло их ближе к щели. Закрыло в неё вход!

Тут человек и понял, что под камнем — осьминожий дом, а раковины — остатки осьминожьих обедов и ужинов.

Перебрался оператор ко второму камню. И под ним — осьминог. К третьему — и там. Выгнал он одного, включил кинокамеру и поплыл следом за животным.

Удирает осьминог. Раздувает и сокращает тело, размахивает из стороны в сторону плетью-щупальцами. Человек — следом. Плыёт, камеру около глаз держит. Света над песчаным дном много, так и лучится песок, так и играет свет на голубоватом зыбком животном.

Хорошие получаются кадры.

Верно говорили — полно здесь осьминогов. Целый город.

ПОДБИТАЯ ЧАЙКА

Мы с приятелем шли по берегу моря. Вдруг видим: впереди на гальке сидит крупная серая птица. Она сидела, тесно прижимаясь к камням и втянув голову в плечи, как человек, которому холодно. Увидя нас, птица привстала.

— Глянь-ка, подранок! — сказал мой приятель. — Давай поймаем?

Птица — это была чайка-мóевка — сделала несколько неуклюжих прыжков и с размаху тяжело плюхнулась в воду. Я заметил, что, когда она прыгала, крыло её волочилось отдельно, сзади, как будто привязанное на верёвочке.

Чайка поплыла от берега. Она плыла, а серый лоскут крыла тянулся позади неё.

— Здо́рово ей саданули!—сказал приятель.— А ведь охота здесь запрещена!

Я промолчал. Чайка выплыла на солнечную дорожку и закачалась на ней изогнутой чёрной лодочкой.

Мы ушли. Мы вернулись в избушку к рыбакам-ненцам, у которых остановились на день-два.

— Чайка? С перебитым крылом?—переспросил меня Гриша Ардеев, один из рыбаков.— С весны ходит. Приезжий один ранил. Как человек или песец идут — она в воду. Косатка плывёт — она на берег. Лето выживет.

— А зимой?

Гриша не ответил.

На другой день мы отправились ловить чайку. Мы решили забрать её с собой в Ленинград. Я пошёл по берегу, а приятель, взяв у рыбаков лодку-карбас, поплыл следом.

Чайка была на месте. Только на этот раз она не сидела в камнях, а бродила у воды и выклёвывала из прелых водорослей рачков. Заметив меня, она сошла в воду, а когда слышался скрип уключин, попробовала нырнуть. Сухое крыло, как поплавок, удержало её. Тогда птица повернула и снова очутилась на берегу.

Скользя по круглым, обкатанным водою камням, я поспешил к ней. Чайка завертела головой и тяжело побежала к подножию обрыва, который поднимался над галечным пляжем.

Крутая стена сырой глины шла вверх ровно, без уступов, и только кое-где из неё торчали кривые корни мёртвых деревьев.

Чайка стала карабкаться вверх. Я полез следом. Лез,

лез, как вдруг сырая глина подалась. Оставляя за собой две блестящие канавки, я поехал вниз.

О берег стукнул носом карбас. Я повернулся к приятелю.

— Знаешь что?— сказал я ему.— Оставим её здесь. Как её везти, как кормить? Рыбы не напасёшься.

— Давай хотя бы поймаем её и отрежем сухое крыло,— сказал приятель.— Всё ей легче будет.

— Давай так.

Чайка сидела высоко под сухим чёрным корневищем и смотрела на нас красным раненым глазом.

Мы полезли вдвоём.

Я уже протянул руку, чтобы взять её, как вдруг чайка с криком вывалилась из укрытия и, ударяя живым крылом по глине, покатилась вниз.

Она дождалась, когда мы слезем, и снова вскарабкалась на обрыв. Ей было очень трудно: испачканное глиной крыло отяжелело, но птица упорно волочила его.

— Полезем ещё?—спросил я.

— Не поймать её нам!—сказал приятель.

Чаячий глаз, как огонёк, горел вверх. Распластав одно крыло, тесно прижимаясь грудью к земле, птица внимательно смотрела на нас.

— Разве ты не видишь?—сказал я.— Она лучше умрёт, но не пойдёт к нам в руки.

Мы стояли, задрав головы, и смотрели на чайку. Ещё недавно это была прекрасная большая птица. Таких больших чаек я не видел никогда. Ей, наверное, ничего не стоило добывать рыбу и улетать каждую зиму в тёплые края.

Потом мы сели в карбас и медленно поплыли вдоль берега.

Был август — конец короткого полярного лета. Дело было на побережье Баренцева моря. Зима здесь наступает в октябре.

ДВА РАДИСТА

Служили на Охотском море два радиста. Один — на рыбачьем сейнере «Волна», второй — на грузовом пароходе «Пугачёв».

Рано утром сиделся

радист «Пугачёва» за чёрный металлический ящик с блестящими ручками — радиостанцию, включал её и начинал передачу. Он нажимал пальцами то коротко, то длинно на медный рычажок — радиоключ, и в воздух летели то короткие, то длинные гудочки: пии-ии — пии-пи-пи...

И бывало, что радист «Волны» в это время надевал наушники, слышал сигналы и, привычно складывая их в буквы и слова, читал:

— «П-е-р-е-д-а-ю д-л-я в-а-с п-о-г-о-д-у...»

Потому что именно так радисты всего мира разговаривают друг с другом.

— Куда идёте?

— На Камчатку.

— А мы на Сахалин.

Вот и весь разговор.

Но однажды случилась беда. Сейнер наскочил в тумане на камни, пробил себе дно и стал тонуть.

Рыбаки бросились к насосам. Напрасно — холодная вода всё равно заполняла судно.

— Не успеваем откачивать воду, — сказал капитан. — Надо звать помощь.

А радист был уже в своей каюте. Стоя по пояс в воде, он отвинчивал от стола радиостанцию.

Вода в каюте поднималась всё выше и выше, а радист всё работал. Он сломал отвёртку, до крови ободрал пальцы, но всё-таки снял станцию и вытащил её на палубу.

Пии-пи-пи...— полетели в воздух тревожные гудочки. Но на этот раз они были слабые-слабые: станция отсырела и работала плохо. Никто не отвечал радисту.

Волны бормотали уже у самой палубы.

— Видимо, помощь не вызвать,— сказал капитан.

И вдруг радист услышал в наушниках знакомые сигналы. Это отвечал «Пугачёв». Никто на всём море не смог разобрать слабых сигналов «Волны», а радист «Пугачёва» разобрал. И тогда он стал повторять их, работая на своей сильной станции:

«Всем! Всем! Всем!»

Теперь по всему морю, на всех кораблях, слышали громкие и ясные, звучащие, как команда, сигналы:

«На помощь! На помощь!»

Четыре парохода, три катера, два гидросамолёта свернули с пути и направились к «Волне».

«Пугачёв» тоже спешил. Он обогнал другие корабли и первым пришёл к месту аварии.

«Волны» уже не было видно. Над водой торчали только ее мачты. За них держались, плавая на спасательных кругах, люди.

Рыбаков вытащили. Когда они, сменив одежду, собрались в каюте парохода, радист «Пугачёва» спросил:

— Ну, где же ваш радист? Наконец-то мы с ним встретились!

— Его нет,— ответили рыбаки.— Он работал в воде, простудился и заболел. Час назад прилетал гидросамолёт и забрал его. Вот это он просил передать вам.

И один из рыбаков протянул радисту листок бумаги. На листке было написано: «Моему лучшему другу».

И никакой фамилии. Потому что у радистов всего мира вместо фамилий короткие позывные сигналы: пии-пи-пи...

КАК ДОСТАЛИ ЯКОРЬ

На причале Владивостокского порта я ждал посадки на теплоход. Порт гудел.

«Иду-у-у!»—предупреждал здоровенный пароходище, влезая в гавань.

«Пить! Пить!»—свистел катерок-водолей, предлагая судам пресную воду.

«Гру-у...»—поднимал рукастый кран бадью с углем.

«...жжу!»—высыпал её в трюм парохода.

Здрав голову, я смотрел, что делается на этом пароходе. Я уже знал: готовится очень важный рейс. Надо срочно доставить на остров, где было землетрясение, врачей, уголь, хлеб.

Всё было готово к отплытию. Оставалось только сменить якорь. Новый уже лежал на причале.

Подошёл кран, зацепил его крюком и понёс над водой к пароходу. Вдруг якорь сорвался и—бултых!—ухнул в воду.

На причале все зашумели, замахали руками. Неужели пароход задержится?

Портовые рабочие пригнали лодки и стали шарить по дну баграми, но ничего не нашли.

Тогда спустили водолаза. Водолаз был в медном

шлеме и тяжёлых свинцовых башмаках. Он медленно слез с причала в воду и побрёл по дну, то и дело останавливаясь и выпуская клубы белых пузырей.

— Лёгкого надо, лёгкого!— закричали в толпе.— Вон лёгкий!

«Какого лёгкого?»— подумал я и увидел, что прямо на

меня плывёт под водой огромная лягушка. Мелкие рыбёшки, как брызги, разлетались от неё во все стороны.

Я невольно попятился.

Лягушка всплыла, высунула голову из воды и посмотрела на меня. И тут я понял, что передо мною обыкновенный

человек. Только на ногах у него зелёные лягушачьи ласты, а на лице резиновая маска. Из рта к баллончику на спине тянулись трубки.

— Что случилось? — спросил человек-лягушка, сняв маску.

Ему наперебой стали объяснять, где упал якорь.

Человек снова надел маску и нырнул.

Так вот что кричали люди! Они требовали лёгкого водолаза, без шлема и башмаков, — подводного пловца, а не пешехода.

Этот водолаз и верно двигался куда быстрее первого. Тенью прошёл вдоль причала, нырнул в две-три ямины и, наконец всплыв, замахал руками.

Якорь был найден.

Крановщик опустил крюк

на дно, оба водолаза зацепили им якорь, и тот, роняя на причал капли воды и грязи, снова поплыл по воздуху к пароходу.

Там его приклепали к тяжёлой цепи, пароход заревел сиреной, закрутил винтами воду и ушёл в море.

САМЫЙ ЛУЧШИЙ ПАРОХОД

Тимкин отец был матросом.

Как-то Тимка спросил:

— Пап, ты на каком пароходе сейчас плаваешь?

Отец засмеялся:

— На самом лучшем. Наш пароход самый большой, самый быстрый, с белой трубой и золочёной сиреной. Гудит — уши затыкай: ту-уу-мб!.. Хочешь, приходи смотреть!

На другой день Тимка отправился в порт.

Кораблей было в порту — не сосчитать! Но самый лучший из них Тимка заметил сразу. Он стоял неподалёку — огромный, с белой трубой, двуногими мачтами и золотой сиреной. На носу прямыми буквами было написано: «Пятилетка».

На причале кучей лежали серые ушастые мешки.

Три резиновые дорожки — транспортёры бежали по роликам с берега на «Пятилетку». Грузчики хватали мешки и бросали их на транспортёры. Мешки ползли вверх по дорожкам, выше, выше и — кувырк! — летели в пароходное пузо — трюм.

Из широченной пароходной трубы клубами валил серый дым! Один клуб опустился к земле и накрыл Тимку.

— Апчи!

Тимка подошёл к транспортёру.

— Дяденька, куда эти мешки?—спросил он.

— В Индию,—буркнул грузчик.—Не мешай, отходить сейчас будет.

Индию Тимка знал. Там слоны. Но отец в Индию не собирался. Как же так?

Озадаченный, он сел в сторонке на камень.

Погрузку закончили.

Заработала машина: бух-бу! бух-бу! Между «Пятилеткой» и причалом появилась полоска воды.

— Папа!—в отчаянии крикнул Тимка.

Подул ветер и развернул на мачте красный флаг.

Но тут случилось неожиданное.

Ветер дунул из всех сил. Он налетел на пароход и с размаху упёрся в его широкий, как парус, борт. Пароход качнулся и навалился на причал.

Заскрипело железо.

Тимка сжался от страха. «Сейчас треснет!»— подумал он. Машина «Пятилетки» замолчала, но пароход продолжал ползти вдоль причала, растирая в пыль края бетонных плит.

И вдруг из-за поворота гавани появился маленький чёрный пароходик с тонкой закопчённой трубой. На носу его стоял матрос в серой куртке.

Пароходик подбежал к «Пятилетке», развернулся под самым её носом и, упираясь в высокий борт, начал отталкивать «Пятилетку» от берега.

Ветер выл. Но пароходик не сдавался. Дрожа от натуги, он медленно поворачивал огромный корабль.

Матрос в серой куртке изловчился и бросил на его палубу толстый тяжёлый канат.

Пароходик стал впереди «Пятилетки» и, натянув канат, потащил её из порта.

Он шёл мимо других кораблей, и дым из их труб садился на его закопчённые, усталые бока.

В море «Пятилетка» отцепила канат, заревела басом: «Благодарю-у-у!»— и ушла.

Пароходик, тоненько, по-мальчишечьи свистнув, повернул назад.

Когда он подошёл к причалу, Тимка ахнул: на носу пароходика стоял в серой куртке его отец.

ЗЛОЙ УЗЕЛ

Нехитрое дело — связать узел.

Но есть люди, для которых уметь хорошо завязать узлом канат или верёвку — важнее всего на свете. Это матросы.

Служил в городе Баку на барже матрос. Звали его Гуссейн.

В барже возили нефть. Налют её, бывало, по самую горловину. Подойдёт буксир.

— Эй, лови!—И шлёп на баржу здоровенный канат с петлей на конце.

Гуссейн подхватит его и тащит к железной тумбе — кнехту. Набросит на кнехт, затянет узлом.

— Пошёл!

Буксир запыхтит, забурлит винтом и потянет баржу вон из порта.

Узлов Гуссейн знал множество.

Были у него узлы послушные: свернул, дёрнул, и готово.

Были упрямые: семь потов сойдёт, пока завяжешь.

Были хитрые: год сиди — не развяжешь.

И был один — самый лучший, который Гуссейн почему-то вязал очень редко.

Раз поздно вечером шёл Гуссейн по городской улице и видит — в окнах, обращённых к порту, мерцают красные огненные зубчики.

Больше, больше, и вот уже на всех стёклах заплясали молчаливые красные человечки.

— Пожар!—закричали люди.— В порту пожар!

Гуссейн бросился туда.

На причале было светло как днём. Горела баржа с нефтью. Только не Гуссейнова, а другая, что стояла рядом.

Огонь бил из неё, как из громадного примуса.

Пожарники поливали её водой из шлангов, но потушить огонь не могли. У кораблей и барж, что стояли у причала, начали от жары дымиться борта.

— Убрать её!—кричали люди про баржу.—Убрать. Сейчас взорвётся!

Подошёл большой горбатый буксир. С него на баржу бросили канат. Теперь главное — его привязать.

Двое смельчаков влезли на баржу. Задыхаясь от дыма, они набросили тугой пружинистый канат на тумбу и прыгнули на берег.

Буксир потянул. Петля на конце лопнула, и канат змеей сбежал с тумбы.

Тогда крепить его полезли трое.

Молча следили за ними люди.

Вот канат снова на тумбе. Вот он свёрнут узлом. Буксир дёрнул. Канат соскочил и плюхнулся в воду.

Больше охотников лезть на баржу не находилось.

И тогда все увидели, что какой-то матрос вылил на себя ведро воды и прыгнул на баржу.

От него сразу же повалил пар.

Матрос на лету поймал брошенный с буксира мокрый канат и, присев на корточки, начал вязать его за тумбу.

От жары куртка на нём сразу высохла и надулась пузырям.

Петля... Ещё петля... Чуть-чуть потуже...

— Готово!— крикнул матрос.

Он махнул рукой, бросился назад к борту и упал.

Обожжённого, его вынесли на берег.

Это был Гуссейн.

Буксир натянул канат, и баржа стала медленно поворачиваться носом к морю.

Вот её корма задела причал — трах! — канат дёрнулся и упал в воду.

Неужели узел не выдержал?

Нет! Канат вырвался из воды и снова натянулся, как стру-

на. Баржа, освещая красным светом всю гавань, пошла к выходу.

В море буксир обрубил канат.

Не успел он отойти, как баржа взорвалась. Жёлтый огненный гриб вырос над морем.

Когда он погас, баржи не было.

...Гуссейн целый месяц пролежал в больнице. Спина и грудь его были покрыты волдырями, а пальцы — все в ранах. Тяжёлый канат, когда он вязал его, в кровь разодрал руки.

Вот каким оказался самый лучший узел Гуссейна — крепким, безотказным.

Но это был злой узел.

ДЕЛЬФИНИЙ
ОСТРОВ

МАЛЕНЬКИЕ
ПОВЕСТИ

КАК Я СПАС МАГЕЛЛАНА

ГДЕ МОЯ КИНОКАМЕРА!

Дело было вечером.

Я сидел на диване и читал Серёже и Косте «Историю великих мореплавателей». Это был трагический момент — гибель Магеллана.

— «... Тогда отважный путешественник обернулся...» — прочёл я и перевернул страницу. — «Назад, к шлюпке! — крикнул он товарищам. Но один из туземцев поднял копье и...»

В эту минуту в комнате зазвонил телефон.

— Да, — сказал я. — Слушаю... Участвовать в спасении судна, написать рассказ и снять фильм? Конечно... Билет заказан? Через час буду на аэродроме.

Сзади меня шлёпнулась на пол книга. Я встал.

— Дети,— сказал я,— как вам не стыдно! Костик, слезь с брата. Папа улетает на Дальний Восток, а вы... Где моя бритва? Где кинокамера?

В комнату вошла жена.

— Ну конечно!— воскликнула она.— Стоило мне выйти на минуту— уже драка. Кинокамера тебе дороже детей... Почему на столе чемодан? Что это всё значит?

— Папа будет снимать кино,— сказал Костик.— Он сейчас улетает. Там что-то случилось... Ты сдался, несчастный, или нет?

ЧТО ВСЁ-ТАКИ СЛУЧИЛОСЬ

А случилось вот что.

Шёл Охотским морем португальский пароход. Шёл, шёл и наскочил на каменную мель, на острые камни, которые пробили ему борт.

«Спасите! Окажите помощь!»— передали моряки по радио.

И помощь вышла.

Про то, как наши корабли будут спасать иностранца, я должен был написать рассказ и снять коротенький фильм.

— До свидания!— сказал я.— Костя и Серёжа, идите сюда. Не возитесь. Слушайте маму. Не отворачивайтесь— вас целует отец. Про Магеллана дочитаем потом. Побриться в самолёте, что ли?..

В САМОЛЁТЕ

В самолёте никто не брился.

Реактивные моторы ревели изо всех сил. Часы летели как минуты. Я изучал карту.

«Вот тут Охотское море. Тут остров Сахалин. Тут Камень Опасности. На этом камне сидит португалец. Из Владивостока и Корсакова идут спасательные суда... Так... Так...»

Я поднял голову и увидел, что на меня пристально смотрит чернобородый человек в сером костюме.

Особенно его интересовала моя карта.

Я пожал плечами и снова начал водить пальцем: Сахалин — Камень Опасности — Владивосток.

Позади меня сидела старушка с кошёлкой.

— Хорошо на самолёте,— сказала она,— двадцать часов — и дома. А раньше, батюшка, целый месяц добирались.

КАКОЕ БЕЗОБРАЗИЕ!

Открылась дверь, и в салон вошёл лётчик.

— Внимание,— сказал он.— Владивосток не принимает из-за грозы. В Хабаровске дождь. Будем садиться в Южно-

Сахалинске. Кто думает сойти, прошу сообщить мне.

Сахалин — это хорошо. Это мне как раз.

— Как — Сахалин? — зашумели в салоне. — Почему Сахалин? Нам нужно во Владивосток.

— Во Владивосток перелетим вечером. Опоздаем часа на три, — сказал лётчик.

— Какое безобразие! — сказала старушка. — Целых три часа. А говорят — самолёт. Раньше всегда по расписанию ездили.

Я искоса посмотрел на чернобородого.

Он не спускал глаз с моей карты.

Этого человека я, кажется, где-то видел!

НАДО СПЕШИТЬ

В Южно-Сахалинске я первым сошёл с самолёта и помчался на вокзал.

Там я купил билет до Корсакова, влез в вагон и еле дождался отхода поезда.

«Тук-тук-тук!» — застучали колёса.

Надо спешить! Первые корабли уже, наверное, на месте аварии.

— Почему мы так медленно едем? — спросил я проводника. — Неужели нельзя быстрее?

— Нельзя, — ответил проводник, — едем по расписанию.

— Понимаете, там корабль на камнях, а мы... Я очень тороплюсь.

Проводник ничего не сказал и пошёл кипятить чай.

Вспомнив, что мне надо побриться, я выглянул в коридор.

Около кипяильника стоял чернобородый и смотрел в мою сторону. Я вздрогнул и захлопнул дверь.

Через час в дверь постучали. Вошёл проводник со стаканом чая.

— Извините,—сказал он,—не хотите ли чайку, а?.. Я сам когда-то служил матросом... Скорее ехать нельзя, сами понимаете. Вы уж извините.

Из-за этого чернобородого я так расстроился, что не стал в поезде бриться.

Интересно, что ему от меня надо?

НА КАТЕРЕ

В Корсакове моему приезду очень удивились.

— Вы из Москвы? Так быстро? Первые спасатели подошли к кораблю только что. Пробоина большая—придётся поработать. Если хотите, сейчас туда идёт катер с людьми. Бегите на причал.

На катере было полно народу, вся палуба завалена ящиками.

Спуститься в каюту я отказался.

Отсюда лучше видно.

С выстрелом завелись моторы.

Катер рывком отошёл от причала и помчался к выходу из порта.

Шлёп, шлёп!—прыгал он с одной волны на другую.

Он бился о волны, захлёбывался, торопился.

СПАСАТЕЛИ

В полдень на горизонте показались три корабля. Один большой и два маленьких.

Большой стоял без движения. Маленькие сновали вокруг него.

— Спасатели. Буксиры,— сказал командир катера.— Пластырь заводить будут.

Катер описал дугу около большого корабля. На его палубе стояли португальские матросы и махали нам тёмными шапочками.

Когда катер проходил под кормой корабля, я прочёл его название.

Медными буквами на корме было написано по-португальски:

«МАГЕЛЛАН».

Корабль сидел на мели, около его левого борта торчал большущий камень.

Этот камень и пробил ему борт.

По морю шли короткие злые волны. Они захлёстывали пробоину.

Впереди показался буксир.

— Подхожу к спасателю!— сказал командир катера.

Я перебрался с катера на буксир, буксир подошёл к «Магеллану», и работа началась.

Через час здесь было как на заводе. Тарахтел дизель. Трещала электросварка. Грохали молотки.

Матросы, как муравьи, облепили пробоину. Они резали огнём железо. Ровняли края пробоины. Сбивали заусеницы. Заваривали трещины в борту.

Я вынул кинокамеру и начал снимать.

В лицо мне летели огненные брызги.

Палуба под ногами качалась.

Ч О П!

Матросы работали весь день и всю ночь.

К утру края пробоины были заглажены.

Тогда на неё наложили громадную заплату — пластырь. Толстенное брезентовое одеяло, прошитое стальной проволокой.

Пластырь крепко привязали.

Пробоина снаружи была закрыта.

Затем на «Магеллан» передали несколько бочек с цементом.

Задрав голову, я снимал, как поднимают бочки. Зелёная едущая пыль садилась мне на лицо.

Вместе с португальцами наши матросы изнутри залили цементом пробоину.

— Теперь чопы!— сказал начальник спасателей.

Я удивился. Что такое чоп?

— Чоп?— переспросил начальник.— Очень просто!— Он хлопнул ладонью по кулаку.— Чоп!— и дырки нет.

Принесли целый ящик деревянных остроконечных пробок. Ими стали забивать мелкие дыры.

Чоп! Чоп!

ПОД ВОДОЙ

— Не хотите ли спуститься под воду?— спросил начальник.— Сейчас водолазы пойдут осматривать дно.

Я кивнул.

На меня натянули белый водолазный костюм. Надели и привинтили шлем. Дали в руки специальную подводную кинокамеру. Обвязали верёвкой и спустили за борт.

Шшу! Шшу!—с шумом врывался в шлем воздух. Его подавали через шланг.

За круглыми окошками шлема стоял зеленоватый полумрак. Впереди смутно чернел борт «Магеллана».

Течением меня поднесло к борту. Я увидел перед собой железную стену, поросшую пушистыми зелёными водорослями. Среди них белели острые, как собачьи зубы, раковины.

Справа и слева от меня копошились водолазы. Они осматривали — метр за метром — борт, камни, дно.

Скоро пароход будут тащить с мели.

Я поднял камеру, начал снимать водолазов и так увлёкся, что забыл выпускать из костюма лишний воздух.

Костюм раздулся, и я, как громадная белая лягушка, всплыл на поверхность.

За верёвку меня подтащили к буксиру.

Громохая свинцовыми башмаками по лесенке и спотыкаясь, я вскарабкался на борт.

САМАЯ ВАЖНАЯ МИНУТА

Водолазы доложили:

— Судно можно снимать с камней!

Но прежде чем тащить пароход с мели, его разгрузили.

«Магеллан» вёз бананы. Вода попала в трюм, и бананы испортились.

Их выбросили в море. Сладкий запах растекался вокруг

корабля. Усатые тюлени удивлённо обнюхивали зелёные бананы, плавающие между волн.

Воду, попавшую внутрь «Магеллана», выкачали к исходу второго дня.

Настала самая важная минута.

Я залез с кинокамерой на мачту.

Два буксира стали впереди «Магеллана» и подали ему на палубу толстые стальные канаты.

Канаты закрепили за чугунные тумбы — кнехты. Буксиры дали ход, и корабль медленно пополз вперёд.

Он полз по камням, сдирая с железного днища ракушки и водоросли, оставляя за кормой чёрный расплывчатый след.

Ещё немного... ещё... и корабль закачался на чистой воде.

Теперь спасатели поведут его в порт. На базу.

Мой фильм окончен.

«МАГЕЛЛАН»

Перед уходом я решил побывать на «Магеллане».

Спасательный буксир подошёл к пароходу, и по узкой верёвочной лесенке я поднялся на его палубу.

Меня встретил португальский капитан. Рядом с ним стоял... чернобородый.

От неожиданности я раскрыл рот.

— Кто вы такой?— еле выдавил я из себя.

Чернобородый тоже растерялся.

— П-переводчик. А, собственно, почему вы... Батюшки, да ведь мы с вами летели из Москвы! Вот встреча! Вы так обросли — не узнать.

— Да?— Я потрогал рукой подбородок.— Так вы переводчик?— Я рассмеялся.— Ну конечно, ведь команда-то — португальцы. А я вас сразу узнал.

— Ещё бы!— сказал чернобородый.— Помню, у вас в самолёте ещё карта была. Сахалин, Охотское море... Я хотел заговорить, но вы с аэродрома убежали. Вы где живёте в Москве?

— На Арбате.

— И я на Арбате!

Так вот где я его видел!

— У меня там девочка. Тихая такая, послушная. А у вас?

Я вздохнул...

Потом я осмотрел корабль и даже снял ещё несколько кадров для фильма.

Капитан, матросы, переводчик наперебой объясняли мне, как пароход сел на мель и что, где у него теперь поломано.

— Ну, до свидания!— сказал я. — Кстати, сегодня уходит самолёт. Катером можем успеть. Махнули?

— Да нет,— с огорчением сказал чернобородый.— Мне тут переводить ещё с месяц. Придётся остаться. Может, побреетесь? У меня каюта.

— Спасибо,— сказал я,— три дня не брился, потерплю ещё день. Вернусь заросший, как древние мореплаватели. Вот соснуть бы— это да. А знаете, отличный фильм получится!

«...НА ЧЁМ МЫ ОСТАНОВИЛИСЬ!»

В Москву мы прилетели вечером. Когда я добрался до дому, было совсем темно.

— Боже, на кого ты похож!— сказала жена.— Не целуй детей, ты выколешь им глаза. Уложи мальчиков спать, я жарю котлеты.

— Четыре дня!— с гордостью сказал я.— Четыре дня— двадцать тысяч километров, восемьсот метров киноплёнки, всего шесть часов сна. Как вы себя вели?

— Прекрасно,— ответил Костя.— Мы шлушались вших.

— Почему ты шамкаешь?— закричал я.

— У меня выпал жуб. Шерёшка шел мне на рот.

— Как это можно сесть человеку на рот?— возмутился я.— Стоило мне уехать на четверо суток... Десятый час. Почему вы не спите?

— Почитай нам!— попросил старший.

Я взял с полки книгу .

— Улеглись?.. Итак, на чём мы остановились?

— Магеллан шкажал: «Нажад к шлюпке!»

— Ах да... Ну вот: «Один из туземцев, из тех, что напали на испанских моряков,— Магеллан был португалец на испанской службе,— поднял копьё и...»

Я посмотрел в испуганные глаза ребят и сказал:

— Впрочем, Магеллан был спасён.

Я захлопнул книгу и рассказал им всё, что видел за эти четыре дня.

Про самолёт, который летел из Москвы на Дальний Восток всего двадцать часов.

Про моряков, готовых в любую минуту прийти на помощь друг другу.

Про зелёные бананы, которые плавали вокруг корабля.

Про маленькие спасательные буксиры и огромный израненный пароход.

Про то, как был спасён «Магеллан».

БЕЗНОГИЕ ГОЛОВОНОГИЕ

НОГИ НА ГОЛОВЕ

Однажды меня вызвали в издательство, где делают книги о животных, и сказали:

— Собирайтесь на Дальний Восток. Нам нужны фотографии головоногих.

— Каких головоногих?— удивился я.

— Обыкновенных: осьминогов, каракатиц, кальмаров. Книга про них готова, а фотографий нет.

Я вспомнил: головоногие—это морские животные, у которых ноги-щупальца растут на голове.

— Ой, как далеко!—сказал я.—Нельзя ли поближе? У меня скоро отпуск. Я щук собрался ловить. Вдруг лето пропадёт?

— Не пропадёт,—ответили мне.—Поймаете ещё своих щук. Собирайтесь и поезжайте.

И я поехал.

ОСТРОВ В МОРЕ

Через неделю я был уже на Дальнем Востоке, в Японском море, на острове.

Остров был зелёный-зелёный. Над ним всё время висели облака. С моря на остров наползали туманы. Они катились по земле и оставляли на траве, на камнях, на листьях серые капельки воды.

На острове жили рыбаки. Каждое утро рыбаки уходили в море, а вечером их жёны и дети собирались на причалы встречать суда.

На каждом причале стоял длинный дощатый лоток. В лотки насосы качали воду. Рыбачьи судёнышки-сейнера подходили к причалам, рыбаки сваливали рыбу в эти лотки, и она текла вместе с водой прямо в цех, на рыбный завод.

ЧАН И ВЁДРА

Я как приехал, так сразу же пошёл на завод узнавать, как тут можно снять головоногих.

— Ну, это просто,— сказали мне на заводе.— Все рыбки подчиняются начальнику лова. Он пошлёт вас на сейнер. Будете ходить в море, опускаться на дно в водолазном костюме. Там и осьминоги, и каракатицы, и кальмары— только снимай.

— А где начальник?

— Только что был. Мотается взад-вперёд. А вот и он сам!

За стеной цеха что-то затарахтело, и прямо к двери подъехал на мотороллере человек в клетчатом свитере.

«Сразу видно—начальник!—подумал я.—Все по заводу пешком ходят, а этот—на мотороллере!»

И я рассказал ему, зачем прибыл на остров.

— Всё ясно,—сказал начальник.—Идите на сейнер, я прикажу дать водолазный костюм. Вы под воду спускались?

— Несколько раз. Но, видите ли... Дело в том, что я тороплюсь. У меня отпуск. Мне бы как поскорее...

— Ах, вот оно что!—сказал начальник.—Тогда снимайте в чане.

Он отвернулся от меня, пнул ногой свой мотороллер. Трах-трах!—мотор завёлся, и начальник умчался.

Тогда рабочие повели меня на берег моря к цементным чанам. В этих чанах солили рыбу. Несколько чанов стояли пустые и заброшенные.

— Этот подойдёт?

Я наклонился над чаном. В нём давно ничего не солили. На дне его лежали битые кирпичи, смятый голубой таз и

чёрная эмалированная дощечка с надписью «Вход воспрещён!».

«Видно, где-то разрешили вход!»— подумал я, а вслух сказал:

— Подойдёт!

Рабочие притащили из цеха пожарный шланг и напустили в чан солёной морской воды.

В это время сейнера выгружали улов. Рабочие сбегали на причал и вернулись оттуда с тремя вёдрами.

— В этом ведре осьминог,— сказали они.— В этом — каракатицы. Здесь — кальмары.

Ногастый осьминог не помещался в своём ведре. Он был похож на кусок студня и всё время вытекал из ведра.

Кальмары метались и брызгались. Только каракатицы сидели спокойно.

МАТРОС ПАША

Головоногих бросили в чан, и они там разбежались.

Осьминог тотчас же спрятался за таз. Он сидел красный, злой, тяжело дыша. Из-под щупалец у него торчала какая-то трубка. Она то и дело раздувалась и сжималась. На поверхности воды вздувался и опадал маленький бурун.

Коричневые кальмары носились от одной стенки к другой. Они то плавали, как рыбы, шевеля хвостами, то мчались задом наперёд, выталкивая из себя, как ракеты, струи воды.

Зелёные каракатицы копошились на дне.

— Смотрите, сейчас перекрашиваться будут,— сказал кто-то.

И верно: две каракатицы забрались на осколки кирпичей и сразу стали кирпичного цвета. Щупальца поджали — не отличишь от камней. Третья каракатица залезла на

дощечку «Вход воспрещён!», стала чёрной и покрылась пятнами, похожими на бледные буквы.

Смеркалось.

— Ну, теперь всё в порядке! — сказал я. — Большое спасибо вам, выручили. Завтра же я их чик-чик — и сниму. Только надо кого-то попросить, чтобы ночью присмотрел за чаном.

— А тут на причале всегда матрос. Он и присмотрит.

— Давайте матроса.

— Тётя Паша!

«При чём тут тётя Паша?» — подумал я.

К чану подошла женщина с красной повязкой на рукаве.

— Тётя Паша, — сказали ей, — тут у приезжего товарища в чан животные посажены. Ты присмотри за ними.

— Есть присмотреть! — ответила матрос тётя Паша. — Куда они денутся? Чай, не летают. И безногие.

— Не летают! — сказал я. — И безногие. Но вы всё-таки присмотрите.

И пошёл спать.

ГДЕ КАЛЬМАРЫ?

Рано утром я прибежал к чану.

— Привет!—сказал я тётё Паше.—Как ночь прошла?

— Да так и прошла. Никто к чану не подходил,—ответила тётя Паша.—Привет!

«Вот и хорошо!—подумал я.—Сейчас всё снимем!»

Наклонился над чаном, стал считать своё хозяйство. Осьминог на месте, каракатицы на месте, кальмары... Кальмаров нет.

— Пойдите, а где же они?

— Там.

— Нету!

Осмотрели мы с тётёй Пашей весь чан. Нет кальмаров.

— Н-да!—сказал я.—Таинственное исчезновение. Куда они могли деться? Не по воздуху же улетели!...

В это время мимо проезжал начальник лова. Я хотел было спросить его, куда могли деться кальмары, но мотороллер обдал меня синей струёй дыма, и начальник — трах-тах-тах! — промчался мимо.

— Всё ему некогда,— сказала тётя Паша.— И носится, и носится... Я уже целый месяц не могу с ним поговорить. Стара стала, мне бы с причала перевестись в какое-нибудь тёплое место: на склад или ещё куда... А вы что, уже снимаете?

— Ага, снимаю. Каракатиц.

— Да их и не видать. Глядите-ка, мусору сколько на дне.

— Ничего,— ответил я.— А впрочем, можно и почистить.

ГДЕ КАРАКАТИЦЫ!

Я сбегал в цех, достал резиновые сапоги, натянул их и залез в чан. Стою по колено в воде, достаю кирпичи. Сначала я их по одному выбрасывал, потом стал в таз собирать. Наберу полный — передам тёте Паше, та его к морю — и высыплет. Убрали мы с ней кирпичи, выбросили «Вход воспрещён!», выбросили таз. Стало дно чистое.

— А где же каракатицы?— вдруг спрашивает тётя Паша. Посмотрел я— в чане один осьминог.

Видно, с кирпичами мы и каракатиц выбросили. И когда это они успели в таз залезть? Хорошо, что я их уже снял. Теперь — осьминога.

Взвёл я у аппарата затвор, подошёл к самому краю чана. Осьминог внизу закопошился — и в сторону.

Я к нему — он от меня. Как серое облако, приподнимется и катится прочь. Разве так снимешь?

Надел я снова сапоги и влез в чан. Прижал осьминога к стенке. Навёл на него аппарат. И тут осьминог как вздрогнет! Из трубки его в воду как ударит тёмная струя! Расползлась вокруг осьминога чёрная дымовая завеса. Стал чан похож на громадную чернильницу.

Я махнул рукой и вылез. Долго сидел возле чана, ждал, когда осядет чернильное облако.

Осело. Вижу — всё дно покрыто чёрными хлопьями. Осьминог возле стенки сидит усталый, бесцветный. Какие тут съёмки! Отошёл я от чана, сел на перевёрнутый ящик.

«Вот тебе, — думаю, — и чик-чик!»

Тут раздался голос тёти Паши:

— Гражданин, смотрите-ка, удирает!..

Я обернулся. Над чаном торчали два чёрных осьминожьих глаза.

КАК УБЕГАЛ ОСЬМИНОГ

Глаза исчезли, и над стенкой показались кончики щупалец. Щупальца перебрались через край и, как змеи, соскользнули вниз. Осьминог трогал ими песок.

Песок был колючий, сухой. Осьминогу это не понравилось. Он снова приподнялся над чаном, выставил между щупалец трубку и пустил из неё на землю струю воды.

— Мне что, обратно его толкать или как?—спросила тётя Паша.

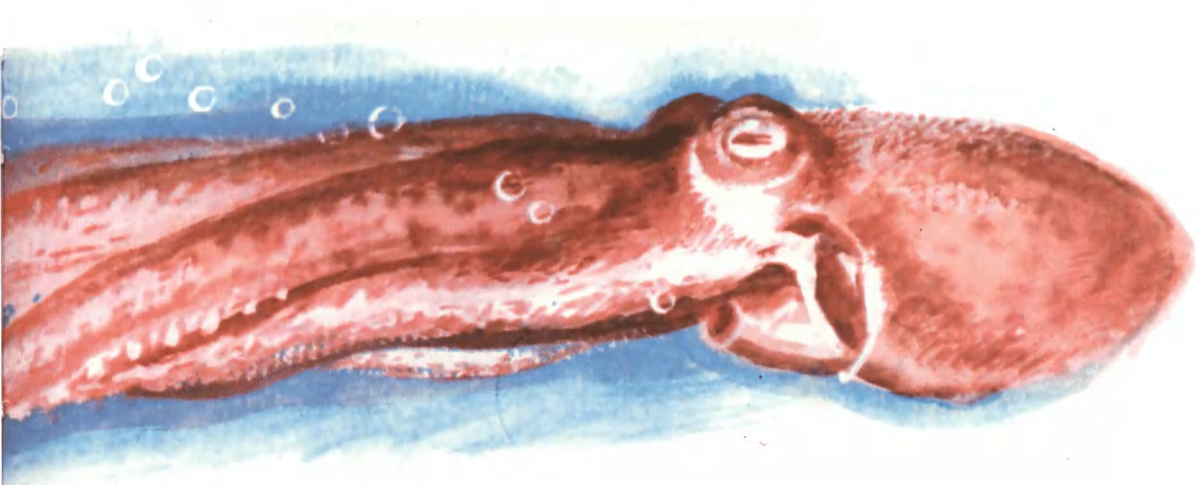
— Не надо.

Осьминог приподнялся, перевалил через стенку студенистое, вислое, как мешок, тело, опустился на мокрую землю и пополз по ней.

До воды ему было шагов десять. Сначала он полз быстро, потом всё медленнее. Наверное, песок царапал его мягкое тело. Осьминог побагровел и стал шумно, со свистом дышать.

— Придётся ему помочь!—сказал я.

Но осьминог дополз сам. Он выпустил вперёд на раз-

ведку одно щупальце. Оно коснулось воды. Тотчас же всё тело животного подтянулось, собралось в тугой шар, снова легко заскользило по песку. В воде осьминог сразу же повернулся, набрал в себя воду и выбросил её сильной струёй на берег. От толчка щупальца его сложились, как прутья зонтика, тело вытянулось, и он поплыл вдоль причала. Он плыл, то раздувая, то сжимая тело, потом изогнулся и, взмахнув щупальцами, исчез в глубине.

— Ишь как пошёл!— сказала тётя Паша.— Не захотел сидеть в яме.

Я вздохнул:

— Не захотел. Что теперь делать будем, тётя Паша?

НЕ ТОРОПЯСЬ

В это время к нам подошёл начальник лова. Пешком.

— А где ваш мотороллер?— удивился я.— Испортился?

— Да нет.— Начальник даже смутился.— Я решил так ходить. Понимаете, на машине большая скорость, проскаки-

ваешь людей, не успеваешь даже поговорить с ними. Вот вы, например... Как ваши головоногие?

— Разбежались. Безногие, а удрали. Ничего не вышло.

— Ага!—сказал начальник лова.—Я так и думал. Только не успел вам сказать. Что собираетесь делать?

— Право, не знаю. Может, ещё раз попробовать?

— Бросьте! Видите сейнер? Сегодня он уходит на ночной лов кальмаров. Идёмте с ними. Будете плавать, снимать. Не торопясь, только оденьтесь потеплее—в море холодно.

КУСОЧЕК ЛЕТА

Я стоял на мостике сейнера и смотрел, как рыбаки готовят снасти на кальмаров. Сейнер неторопливо шёл вперёд.

Вдоль бортов висели катушки с ручками. Рыбаки вертели их и наматывали на катушки блестящие капроновые лески. Вместо приманки на лесках висели жёлтые и красные пластмассовые подвески с крючками.

Вдруг у самого борта кто-то выскочил из воды, пронёсся над палубой и шлёпнулся далеко впереди в воду.

— Рыба играет!—сказал я.

— Это не рыба, а кальмар,—поправил меня начальник лова; он стоял рядом.—Кальмары так и на палубу залетают. Бывает, шлёпнется—и пропал, осох!

Я вспомнил, как исчезли из чана кальмары, и засмеялся. Так вот куда они делись: улетели по воздуху!

— Вы что смеётесь?—удивился начальник.

— Да нет, это я так. Понимаете, хотел поскорее сделать снимки и вернуться. Отпуск у меня вот-вот, а я любитель-рыболов. Щук думал половить. Лето под Москвой тёплое. А здесь оно как?

— Кусочками: холодное, тёплое, опять холодное.

В это время облака над морем разошлись и выглянуло солнце. Вода из серой стала синей. На мостике потеплело.

— Вот и кусочек лета,—сказал начальник.—Успеете вернуться к своим щукам... Вы ночной лов когда-нибудь видели?

— Нет.

— Ахнете.

НОЧНОЙ ЛОВ

Сейнер шёл долго. Я спустился в каюту и уснул.

Ночью меня разбудили.

Вышел я из каюты, поднялся по узенькому железному трапу на палубу и действительно ахнул.

На спокойной ночной воде покачивался целый город.

Десятки судов стояли на месте, и у всех между мачтами горели голубым огнём цепочки электрических ламп.

У бортов теснились рыбаки. Они вертели ручки катушек, капроновые лески убегали вниз на глубину и возвращались, таща на крючках пляшущих, щёлкающих хвостами кальмаров.

— Осторожнее, берегите глаза!—крикнул мне начальник лова.

Он тоже стоял около катушки. На жестяном лотке перед ним билось сразу три или четыре животных. Они плевались—выпускали из себя струи воды и тёмной чернильной жидкости.

«Это от неё надо беречь глаза»,—понял я.

Я поднял фотоаппарат, включил лампу-вспышку и начал фотографировать.

При ярком голубом свете и люди, и кальмары, и само судно казались ненастоящими, выдуманскими. Лица у рыбаков были зелёные, куртки—лиловые, кальмары на палубе—чёрные.

— Что стоишь?—крикнул мне кто-то.—Вон свободная!

Я подошёл к свободной катушке, повернул её ручку, и из воды, трепеща и брызгаясь, показался кальмар.

«Зачем это я? Мне ведь нужны живые, непойманные!»

Я свесился с аппаратом через борт.

Там из чёрной глубины всплывали на свет стаи кальмаров. Они плыли, как рыбы, держа строй, вытянув вперёд щупальца, тараща чёрные пуговичные глаза.

Они, наверное, не видели сейчас ничего, кроме голубого света наверху и пёстрых, блестящих подвесок.

Вытянув щупальца, кальмары плыли прямо на меня.

ЗА ОСЬМИНОГОМ

— Ну вот, а теперь пойдите в море с водолазами. Попросите их достать вам осьминога, а потом снимите его под водой,— сказал мне через несколько дней начальник лова.

И я пошёл на водолажном катере с добытчиками раковин мидий.

Шкипер — старшина катера — объяснил водолазу:

— Мидии мидиями, а если увидишь осьминога, тоже бери. Товарищу из города нужно. Понял?

— Понял.

Мы стояли на якоре около небольшого островка.

На водолаза надели костюм. Он взял в руки верёвочный мешок — питомзу — и шагнул за борт на ступеньки железной лесенки.

На плечи водолазу поставили медную голову-шлем. Привинтили. Шлёпнули по макушке. Пошёл!

Водолаз опустил руки, повалился в воду. В том месте, где он исчез, всплыло целое облако пузырей.

Я представил, как водолаз идёт по дну и тащит за собой тяжёлый резиновый шланг и телефонный провод. За водолазом тянулась, как хвост, белая дорожка пузырей. Она тянулась от катера к берегу.

Мне дали телефонную трубку.

В трубке было слышно, как шумит, врывается в шлем воздух, как тяжело дышит водолаз.

— Ушёл!— послышалось наконец в трубке.

— Кто ушёл?

Водолаз не ответил.

Белая дорожка повернула назад.

Когда водолаз вернулся к катеру, ему бросили на дно верёвку с крючком. За верёвку вытащили питомцу, полную чёрных раковин мидий.

Они были похожи на огромные семечки.

— Почистят, сварят, будут консервы!— сказал шкипер.

Водолаз теперь ходил около самого катера. Пуф! Пуф!— шумело в телефонной трубке.

Вдруг в ней защёлкало, забормотало. Вода за кормой катера закипела, и в облаке пузырей показалась зелёная рубаха водолаза.

На ней шевелилось что-то красное, ногастое.

— осьминог!— закричал я.

Из каюты выскочили моторист и матрос. Вместе со шкипером они подтащили водолаза к борту.

— Раз! Два!— Мы перевалили водолаза вместе с его добычей через борт.

Здесь осьминог отпустил человека, со свистом засосал в

себя воздух, зашипел, начал горбиться, расти вверх. Щупальца с белыми присосками укорачивались, поджимались. В полуприкрытых белыми шторками глазах чернел испуг. Вокруг глаз сбегались морщинки.

Я поднял аппарат и сделал снимок, второй.

Теперь самое главное — снять осьминога под водой.

Водолаз разделся, и его медноголовый костюм надели на меня.

Для подводных съёмок у меня был специальный аппарат в чехле. Я взял его, и меня опустили за борт.

Надо мной засветилось серебристое небо. Это была поверхность воды.

Внизу, под ногами, зачернела, заиграла пятнами земля — морское дно.

Я повис между небом и землёй.

Над головой парил, как дирижабль, катер. Качалась спущенная с него в воду лесенка.

— Готовы? — спросил по телефону шкипер.

— Готов.

На ступеньках лесенки показались чьи-то резиновые сапоги. Потом в облаке пузырей появилось тело осьминога. Оно плавало надо мной, как большой розовый зонт.

Я начал снимать его.

Поняв, что он на свободе, осьминог сложил щупальца и поплыл вниз, раздувая и сокращая тело.

Когда он проплывал мимо меня, я опять увидел его глаза. Они были печальные и усталые. Вокруг глаз белели морщинки.

Осьминог сделал круг подо мной и сел, как на парашюте, на дно.

Невдалеке от него белела груда камней. Клубясь и раздуваясь, осьминог двинулся к ней. Он успокаивался и

был уже не розовый, а серовато-зелёный. Дойдя до камней, он выбрал щель поуже и начал забираться в неё. Щель была маленькая, а осьминог большой. Он плющился, тянулся, как резина, вползал.

Через минуту его уже не было видно. Потом из расщелины снова показалось щупальце. Оно на ощупь выбрало плоский голыш, подняло его и скрылось, заложив камнем вход.

Дверь заперта. Теперь можно отдыхать. Можно приходить в себя. Наверное, это очень страшно — встретиться с человеком и быть вынутым из воды.

Я сказал: «Всё!» — и меня начали поднимать.

Всё. С головоногими всё.

В МОСКВЕ

Когда я пришёл в издательство, там долго рассматривали мои снимки.

— Так. Осьминог... Кальмары... Отлично! А где каракатицы?

— Вот тут.

— Простите, здесь одни кирпичи.

— Тогда вот тут.

— А здесь какая-то дощечка: «Вход воспрещён!» Зачем вы её сняли?

— Понимаете, тут и каракатицы есть. Только их плохо видно — они замаскировались. Вы присмотритесь.

— Где?.. Вот это?.. А-а? Смотри какие хитрые! Отличная фотография. Мы так её и назовём: «Где каракатицы?» Ну, как лето на Дальнем Востоке?

— Кусочками.

— Вы теперь в отпуск? Ловить щук?

— В отпуск. Да что там щуки!..

Я вспомнил, как качается на воде целый голубой город, как всплывают к нему из глубины стаи кальмаров.

— Они плывут и шевелят щупальцами...— рассказывал я.

НА КУРИЛЬСКИЕ ОСТРОВА

У меня есть приятель — художник. Зовут его Коля. Приходит он как-то раз ко мне и говорит:

— Ты знаешь, я еду на Курильские острова в гости к одному знакомому. Фотокорреспонденту. Десять лет живёт в тех краях — то на одном острове, то на другом, —

делает снимки для газет. Может, и ты поедешь, а? Вдвоём веселей.

Я стал было отказываться, а потом подумал и согласился.

Провожать нас на аэродром пришли все Колины родственники. У меня родственников раз-два и обчёлся, а тут набежало человек двадцать!

Родственники сдали наши вещи в багаж и стали ждать, когда объявят посадку.

На бетонном поле стояли, подняв крылья, узкие, длинные самолёты.

— Да-а,— говорили родственники,— ничего себе поездку выбрали — на Тихий океан! Учтите, там много вулканов и бывают землетрясения. Будьте осторожны! Как только начнёт трясти, ложитесь на землю.

— Хорошо,— пообещали мы,— ляжем.

— И пишите как можно чаще. Мы будем волноваться. Они вручили нам целую пачку открыток.

Объявили посадку. Мы забрались в машину. Самолёт заревел моторами и унёс нас на восток, навстречу солнцу.

ВУЛКАН ТЯТЯ

Мы прилетели в город на берегу океана, сели там на пароход и поплыли.

Прошёл день, другой, и вот, наконец, появились Курильские острова.

Наш пароход плыл мимо высокой горы. Она занимала половину неба.

Вершина у горы была срезана, и над ней виднелась ещё одна, маленькая, вершинка.

— Вот так горища!—сказал я.

— Это, наверно, вулкан,—сказал Коля.

Мы стояли на палубе. Была ночь. Дул сильный ветер. Белые звёзды, большие, как фонари, качались над нашими головами. Рядом с нами стоял ещё какой-то пассажир—в сапогах и в ватнике. Он всё время переминался с ноги на ногу, и от этого сапоги его ужасно скрипели.

— Вулкан Тятя,—сказал скрипучий пассажир.—Вы что, нездешние?

— Нет.

— Вот вы — художник?—спросил он.

— Художник.

— То-то, я смотрю, всё время рисуете.

Впереди вспыхнул огонёк. Он словно выскочил из моря и весело замигал: свет — темнота, свет — темнота...

— Вот и маяк показался,—сказал пассажир.—Скоро придём.

Мы хотели спросить у него, не знает ли он, случайно, Колиного фото-корреспондента, но он уже ушёл: скрип, скрип...

СТАНЦИЯ ЦУНАМИ

Утром пароход вошёл в узкую бухту. Мы сошли с него и отправились в посёлок искать Колиного знакомого.

У нас был его адрес: «Остров Шикотан. Станция Цунами».

В посёлке, видно, жили рыбаки: у

причалов стояли моторные суда, около домов сушились сети, от завода на берегу шёл густой запах рыбы.

Мы остановились возле небольшого двухэтажного дома. На его двери висела дощечка: «СТАНЦИЯ ЦУНАМИ».

— Вот и пришли!— сказал Коля.

На пороге показалась черноволосая девушка.

— У вас живёт фотокорреспондент?— спросил Коля.

Девушка улыбнулась.

— У нас. Только его сейчас нет.

— А где он?

— Ушёл. Вы его товарищи?

Теперь заулыбались мы.

— Да. Вот приехали погостить.

— Ну что ж, располагайтесь,— сказала девушка.— У нас на станции часто живут приезжие... Что же вы стоите?

Мы вошли в дом.

— Вот его койка. А вы занимайте те, свободные.

Я потрогал койку корреспондента. Одеяло на ней было примято, будто кто-то только что сидел.

— Куда же он ушёл?

— Неподалёку, на маяк.

Мы сложили свои вещи под кровати и отправились смотреть посёлок. По дороге мы заглянули на почту и отправили Колиным родственникам первую открытку. В ней мы написали:

Путешали. Расположились на станции Цунами.

ЧТО ТАКОЕ ЦУНАМИ?

Вечером мы сидели за столом среди сотрудников станции, и они рассказывали нам, что такое цунами.

— Цунами—это волны, которые получаются при подводных землетрясениях,—объясняли они.—Эти волны бывают очень большие, метров двадцать в высоту. Один японский пароход был заброшен такой волной в самый центр города. А в другом городе волна, затопив улицу, сорвала с фундамента деревянный дом и, отступая, унесла его в океан. Наша станция должна замечать самое начало землетрясений и предупреждать о них жителей... Между прочим, ваш знакомый очень хотел заснять цунами. Только они бывают редко: последний раз сильная волна была лет пятнадцать назад.

Я вспомнил про корреспондента и посмотрел на часы.
— Что-то запаздывает твой приятель,— сказал я Коле.
Тот пожал плечами.

— Да вы не волнуйтесь,— успокоила нас черноволосая девушка.— Он тут недалеко, на Краю Света. Задержался, наверно, на маяке.

Мы очень удивились: какой ещё край света? Земля-то ведь круглая, никакого края у неё нет!

— Край Света—это мыс. Крайний мыс нашего острова,—объяснила девушка.— За ним океан, вода. До самой Америки! Можно плыть месяц, и не увидишь никакой земли.

— Вот это да!—сказал Коля. Он посмотрел на меня, и я понял, что ему страшно захотелось на Край Света.

— А что, если и нам сходить туда?—сказал я.— Приходим, а этот человек там!

— Сходите.

Нам стали объяснять дорогу.

— Выйдете из посёлка, будет тропинка. Пройдёте по ней, и она приведёт вас прямо к маяку. Только никуда не сворачивайте—кругом бамбук. Вы знаете, что такое бамбук?

— Конечно, знаем: из него делают удочки!

— Вот-вот. Там, в бамбуке, много медведей. Отдохните, а утром пойдёте.

ТРОПИНКА

Чуть свет мы отправились в путь.

Тропинка вилась по склону сопки. Сначала она шла над посёлком, потом свернула в глубь острова. Мы брели с сопки на сопку, мимо поросших голубым мохом елей,

мимо громадных лопухов и высокой, в рост человека, дикой гречихи. Потом лопухи и гречиха исчезли, тропинка запетляла в низкой траве.

— Смотри, Коля, какая подозрительная трава, — сказал я. — Она мне что-то напоминает... я где-то её видел...

— Удочки — вот что она тебе напоминает, — ответил Коля. — Это бамбук.

Бамбук-лилипут! Мы засмеялись и пошли дальше.

Мы перевалили через сопку и наконец почувствовали в воздухе сырость и услышали ровный сильный гул.

— Океан! — сказал Коля.

Он первый взбежал на пригорок. Перед нами была бесконечная синяя вода, белая паутина волн, берег, а на берегу — каменная башенка. Маяк!

Оставалось только спуститься к нему. Но тропинка упрямо не хотела идти вниз. Она карабкалась с вершины на вершину... Мне это надоело, и я сказал:

— Слушай, Коля, давай махнём напрямик!

— Ты что! А бамбук?

Разве это бамбук!

Бамбуковые кисточки едва доставали нам до колен. Мы переглянулись и сошли с тропинки.

В БАМБУКЕ

Я плыл по зелёной траве, как пароход. Бамбуковые листья обтекали мои колени, как вода.

Сзади брёл Коля.

Скоро бамбук стал выше. Его листья уже стегали нас по животам.

— Может, повернём?— предложил Коля.

— Ну да!

Я сделал шаг и ухнул в яму. Листья с треском соединились у меня над головой. Из ямы я вылез весь перепачканный и исцарапанный. Колина голова качалась далеко впереди. Бамбук был уже ему до плеч.

— Давай повернём!— крикнул я.

Мы повернули, но— удивительное дело!— бамбук, вместо того чтобы уменьшиться, стал ещё выше. Пошли налево— под ногами оказалась топь. Повернули направо— наткнулись на стену колючих кустов.

Я шёл, падал, поднимался и падал вновь. Колю я уже не видел. Только слышал, как он трещит позади. «Молодец, хорошо идёт!»

Я брёл напрямик, теряя силы, не разбирая пути. Во рту у меня пересохло, ноги постепенно слабели. И вдруг передо мной открылась поляна. Узкая, длинная, она вела прямо вниз, к берегу. Должно быть, по ней когда-то лесорубы спускали брёвна.

Я вывалился из бамбуковой чащи, шлёпнулся на землю и прохрипел:

— Коля-а-а!..

В бамбуке затрещало.

— Сюда-а-а!..

— Иду-у!..— раздался Колин голос, и я увидел, что

Коля стоит на той же поляне, только ниже, чем я. Кто-то невидимый, кого я всё время принимал за Колю, ломая с хрустом бамбук, удалялся.

— К-к-коля,— заикаясь, спросил я, когда мы сошлись,— т-т-т-ты давно здесь?

— Минут пять. А что?

— Н-н-ничего.

Я понял, кто бродил со мной в бамбуке.

КРАЙ СВЕТА

Двигаясь по поляне вниз, мы спустились к маяку. Он стоял на мысу, на высоченной скале,— белая башня с кольцевым балкончиком наверху.

Навстречу нам из башни вышел человек в синем кителе.

— Смотритель маяка,— представился он.

Мы рассказали, зачем пришли.

— Ах, как жаль!— сказал смотритель.— Ведь ушёл ваш приятель! Вчера целый день был, а сегодня утром ушёл. На катере пошёл к Дальним скалам каланов снимать, морских выдр. Вот тут всё бродил.

На тропинке я заметил след— отпечаток большого башмака с шипами, как у футболистов.

— Опять не успели!— сказал я.— Какой-то неуловимый человек! Ну что ж, идём, Коля?

— Куда вы?—сказал смотритель.— Отдохните у меня.

Отдыхать мы не стали, а по узкой винтовой лесенке забрались наверх, на балкон. Обточенная водой скала была теперь внизу, у наших ног. Волны, как чешуйки, вспыхивали у подножия скалы.

У меня под каблуком хрустнул кусочек стекла.

— Опять окна брызгами побило!—пожаловался смотритель.— Как шторм, так бьёт. Хлещет—только держись!

До воды от нас было метров пятьдесят.

— И часто штормит?—спросил я.

— Зимой не перестаёт.

Мы спустились вниз. Коля уселся у подножия башни, достал альбом и начал рисовать. Он нарисовал зимний суровый берег, заснеженную скалу. Чёрные волны шли в наступление на неё. Белая пена так и летела вверх, туда, где светил фонарь. Далеко в море плыли корабли. Маяк показывал им дорогу.

ВТОРАЯ ОТКРЫТКА

Вечером Коля сел писать вторую открытку:

*Бьют на Краю света. Кто-то
ищущий в бамбуках.*

— Вернёмся домой—расскажем подробнее,—сказал он, засмеявшись.— А то прочтут, что мы едва не заблудились, и станут волноваться. Ты ещё не знаешь моих родственников!

НАШ ГЛАВНЫЙ ПРИБОР

— Да, не везёт вам с вашим приятелем!— сказала девушка.— Этот корреспондент — вообще беспокойный человек. Что же вы будете делать? Пойдёте за ним на Дальние скалы?

— Придётся.

Мы разговаривали в подвале, где в этот день дежурила наша знакомая. Тут было много приборов. Тихо стучали часы.

— Вот наш самый главный прибор,— сказала девушка и подвела нас к столу.

Посредине прибора вращался большой чёрный барабан. Неподвижная стрелка касалась его поверхности и оставляла едва заметную линию-царапину.

— Когда на океанском дне всё тихо,— объяснила девушка,— эта стрелка чертит прямую линию. Но представьте себе подземный толчок, качнулось дно океана, вздрогнул остров. Мы, люди, ещё ничего не чувствуем, а стрелка уже задрожала, линия пошла вверх-вниз. Значит, тревога. Значит, надо предупреждать людей.

Мы с уважением посмотрели на барабан.

— Кстати, будете на Дальних скалах,— добавила девушка,— увидите там каланов. Так вот, имейте в виду, каланы очень пугливы. Наблюдать их надо издалека. Хотите, я вам дам бинокль?

И она достала из шкафа два чёрных морских бинокля с ремешками.

ОДНА КАПУСТА

Наш катер подходил к Дальним скалам. Он качался на волне, валился с борта на борт, зарывался кормой. Прямо по носу уже виднелся небольшой островок и две причудливые изогнутые скалы.

Подошли к островку. Катер ткнулся носом в песок, плотный и чёрный, как асфальт. Мы выпрыгнули на берег и огляделись.

Островок весь порос жёсткой травой. Нигде не видно было ни души.

— Ну что ты будешь делать, и тут его нет!— сказал я про Колиного приятеля.— Опять ушёл. Вот уж действительно неуловимый!

По океану шли пологие волны. Только у самых скал было спокойно. Вода блестела там, как масляная.

— Это потому, что там заросли морской капусты,— сказал Коля, посмотрев в бинокль.— Видишь на воде коричневые листья?

Я тоже поглядел в бинокль.

— Вижу,— сказал я.— Давай подойдём поближе.

Мы сделали несколько шагов, и вдруг я заметил, что трава в одном месте примята, будто в ней кто-то лежал.

— Верно, здесь был твой приятель,— сказал я.— Вот тут он прятался. Наверно, подстерегал каланов.

Мы тоже легли в траву и стали ждать.

В воде ничего не было видно. На верхушке скалы сидела компания кайр. Птицы вертели головами, вытягивали длинные шеи и, казалось, тоже кого-то высматривали.

— Одна капуста! — сказал я. — Вон по воде лист плывёт. И вон...

И вдруг я заметил, что этот второй лист плывёт как-то странно.

Он плыл против ветра!

Я поднёс бинокль к глазам и вздрогнул. Прямо на меня смотрели из воды два маленьких глаза.

— Калан! — зашипел я и толкнул Колю локтем. — Смотри — калан!

Зверёк плыл на спине, сложив передние лапы на груди, прижав задние к животу. У него была круглая собачья мордочка и белые торчащие усы.

Калан выплыл на середину прохода между скалами, запрокинул голову и, не переворачиваясь на живот, нырнул. Скоро он всплыл, снова лёг на спину и зевнул.

— Погоди, а что это за колючки у него на груди появились? — спросил Коля.

Зверёк подплыл ближе к берегу, и мы разглядели: калан прижимал лапой к груди морского ежа.

Ведь надо же, достал со дна!

Зверь принялся за еду. Он аккуратно обмял лапами ежа — как дети лепят снежки — и начал есть. Кончив, бросил остатки в воду.

И тут со скалы вниз метнулась чёрно-белая стрела. Длинноклювая кайра на лету схватила объедки и с радостным криком унеслась прочь.

Начал моросить дождь.

Я посмотрел Коле через плечо. Он рисовал. На бумагу вперемешку ложились карандашные штрихи, чёрные песчинки, мелкие капли воды.

КАЛАНЁНОК

Мы укрылись плащами и продолжали смотреть. Скоро мы заметили второго калана. Он тоже плыл на спине, а живот его торчал вверх, как поплавок.

Калан остановился. Между скрещённых лап показалась маленькая остренькая мордочка.

— О, — сказал удивлённо Коля, — посмотри, да это же мать с каланёнком!

Каланёнку, видно, надоело лежать на животе у матери, он встал и, выгнув спину дугой, потянулся.

В это время в капустный затишек прорвалась шальная волна. Она качнула каланиху, и малыш, не сумев удержаться, полетел в воду.

Прижав подбородок к груди, каланиха смотрела, как барахтается её сын. Потом она нырнула и долго оставалась под водой. Вытягивая шею, каланёнок беспокойно кружил на месте. Наконец мать вынырнула. В зубах её билась большая белая рыбина.

Подталкивая сына носом, каланиха поплыла к зарослям капусты. Здесь в одном месте листья образовали что-то вроде плота. Каланиха взобралась на этот зелёный плот, уложила рыбу и лапой помогла залезть сыну. Они принялись за добычу.

Позади нас затарахтел мотор. Каланы, не доев, с перепугу скатились в воду. Со стороны океана на остров наполнила дымная фиолетовая стена — надвигался туман.

Цепляясь носками ботинок за траву, мы побежали к берегу.

Вдруг Коля остановился.

— Ты чего?

Кряхтя, он выворачивал из песка рыжий шишковатый камень.

— Зачем он тебе?

— Нужен!

Он вывернул камень и понёс его на руках, как ребёнка.

— Да брось ты его!

— Не брошу.

Мы вдвоём поволокли камень к воде.

ТРЕТЬЯ ОТКРЫТКА

Вернувшись в посёлок, мы отправили третью открытку.

*Вернулись из-за тумана.
Каланы плавают кверху пузом.*

Открытка получилась немного непонятная, но мы так устали, что не захотели переписывать.

ПОРА ДОМОЙ

Мы прожили на острове десять дней, а корреспондент так и не вернулся. Куда он пропал, не знал теперь никто.

Мы стали собираться домой. На этот раз мы решили не плыть пароходом, а сразу лететь. Для этого надо было перебраться катером на соседний большой остров.

Утром в день отъезда Коля сказал:

— А вдруг меня с этим камнем не пустят в самолёт? Пойду поищу мешок.

Он сходил к рыбакам и вернулся с пустым мешком из-под соли.

— Торопись! — сказал я. — До отхода катера осталось всего полчаса.

Мы простились с девушкой, схватили чемоданы. Коля положил мешок на плечо, и мы побежали.

Мы прибежали на причал, но катера там не оказалось. Он не пришёл и через час, и через два... Нам надоело сидеть без дела. Коля стал рисовать женщину-рыбачку, а я,

вытащив из чемодана фотоаппарат, стал снимать. Над причалом были натянуты электрические провода. Они очень красиво выделялись на фоне неба. Я навёл на них аппарат... и вдруг увидел, что провода ПРЫГАЮТ. Потом я почувствовал, что причал, такой крепкий и неподвижный, тоже ШЕВЕЛИТСЯ. Он трясся мелкой дрожью. А провода — те уже прыгали КАК СУМАСШЕДШИЕ.

— Что это? — спросил Коля. Страница в его альбоме была вся забрызгана чернилами. — Не землетрясение?

— Землетрясение! — закричали все вокруг. — Землетрясение!

— Ложись!

— Зачем?

Мы метались по причалу. Вместе с нами бегали пассажиры, которые ждали катер, рыбаки и даже один пограничник в зелёной фуражке.

ВОЛНА

Вдруг репродуктор, который висел на столбе, откашлялся и голосом черноволосой девушки произнёс:

«Внимание! Внимание! Говорит станция Цунами. Ожидается приход волны. Всем жителям посёлка немедленно подняться на возвышенности. Кораблям покинуть бухту!»

Цунами!..

Из домов, из заводских цехов уже выбегали люди. Суда заводили моторы.

Цунами!..

Я схватил Колю за руку:

— Бежим!

Мы вскарабкались на сопку и огляделись. Всюду на склонах толпились люди.

Из бухты гуськом выходили суда. В океане они становились на якоря и ждали.

Ждали люди на сопках.

Все ждали волну.

— Идёт! Идёт! — закричали около нас.

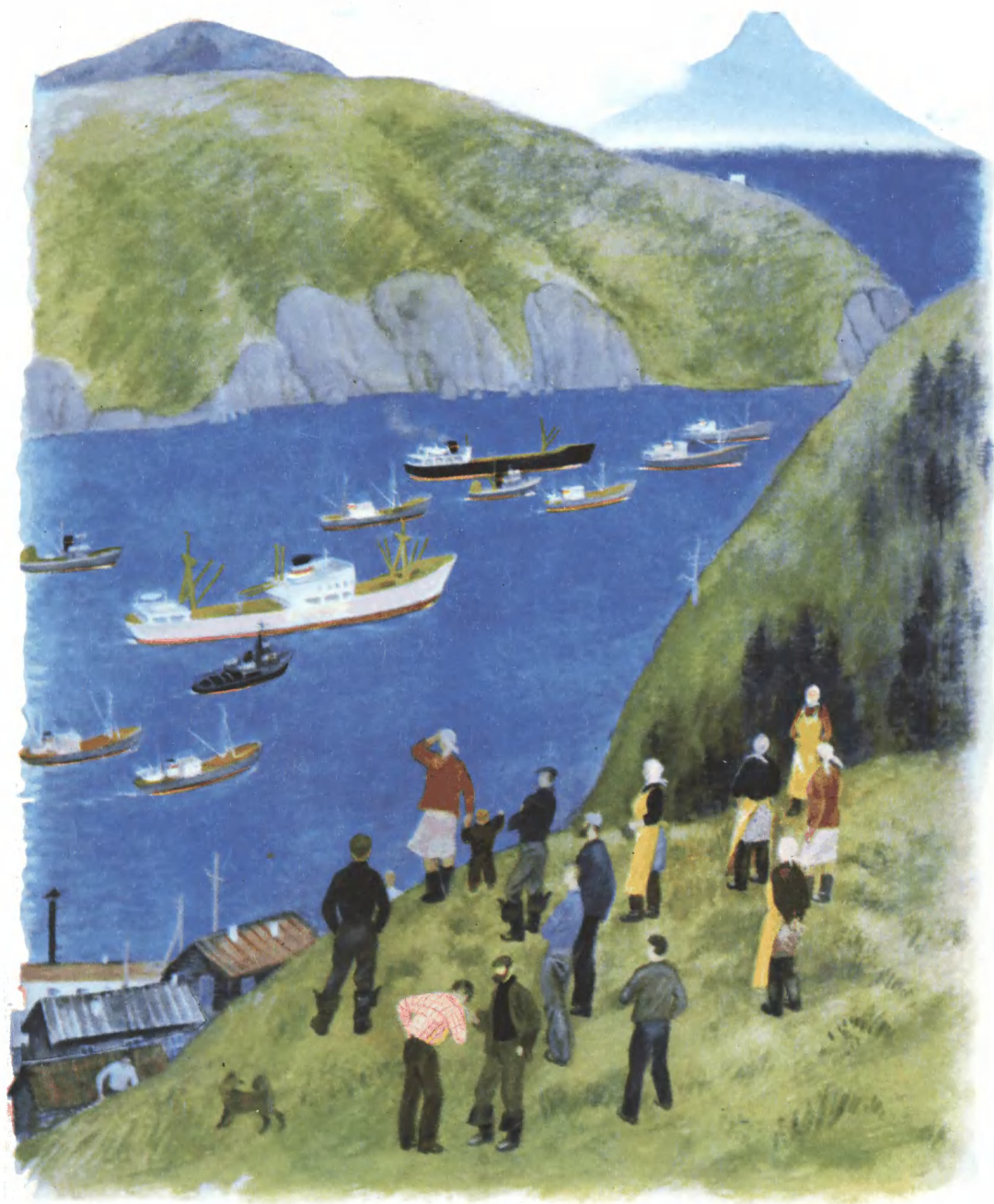
В океане появилась чёрная полоса. Она двигалась к острову. Вот на ней вырос белый гребень. Вот уже волна подошла к острову, вот поднялась горой и с размаху ударилась о камни. Белые брызги столбом взлетели вверх.

Берег загудел. Корабли на якорях качались, как игрушечные.

Потоки воды ворвались в нашу бухту. Вода у причалов заволновалась, потом отхлынула, обнажила чёрное дно и сразу стала прибывать. Она поднялась вровень с причалами, затопила береговой песок, подошла к стене завода. «Сейчас хлынет на улицы!» — подумал я.

Но на это силы у воды не хватило. Постояв, она начала отступать.

Люди на сопках зашумели. Радио объявило отбой. Все стали покидать сопки.

Спустились и мы. Мы решили, что уж теперь-то катер не придёт, и пошли назад, на станцию.

«КУДА ТЫ ПРОПАЛ!»

На станции было полно народу. Все окружили девушку и говорили наперебой.

— Ай да дежурная! Вовремя объявила тревогу! Сами-то вы не испугались?

Девушка покраснела:

— Чуть-чуть.

В эту самую минуту дверь отворилась и в комнату ворвался огромный рыжебородый человек, весь увешанный фотоаппаратами.

— Коля! — закричал он с порога и бросился к нам.

— Женья!

От радости они стали тискать друг друга и хлопать по спине.

— Куда ты пропал? — кричал Коля. — Мы тебя почти полмесяца ждали.

— Плавал с рыбаками, — ответил рыжебородый. — А ты сюда не на пароходе шёл?

— На пароходе.

— То-то мне один рыбак рассказывал. Встретил, говорит, на пароходе человека — всё время рисует. Так, значит, это был ты?

Коля посмотрел на меня.

— Кто его знает, — сказал он, — может, и я. А у этого рыбака сапоги не скрипели?

— Скрипели!

Мы расхохотались.

Потом рыжебородый начал жаловаться.

— Вот беда! — сказал он. — И как я это цунами пропустил? Ведь столько времени жил на станции, ждал — всё тихо. Стоило только уехать, и — бах! — произошло. А какие могли быть снимки!

— Знаете, — сказал я, — ведь у меня кое-что снято. Пока мы на сопке стояли, я снимал. Есть, как корабли выходят из бухты. Есть волна. Люди на сопках... Хотите, я вам плёнку на время дам?

Рыжебородый даже подпрыгнул от радости:

— Вот спасибо!

— А ведь мы сегодня уезжаем,— сказал Коля.— Уже билеты на самолёт есть.

— Никуда я вас не пущу!— сказал рыжебородый и вдруг опомнился:— Ах да, билеты... Ну ладно, скоро я к вам приеду. В отпуск.

ПОСЛЕДНЯЯ ОТКРЫТКА

От нечего делать мы зашли на почту и сели писать открытку. Мы успели написать:

Было Шу...

Как вдруг под окошком почты закричали:

— Катер идёт! Катер!

Мы бросили недописанную открытку в почтовый ящик, попрощались с Женей— он уже куда-то спешил— и побежали на причал.

«ЧТО У ВАС В МЕШКЕ?»

По пути на остров, где был аэродром, катер ужасно швыряло. Должно быть, океан всё ещё не мог успокоиться после землетрясения.

В аэропорту у нас проверили билеты и стали взвешивать

багаж. Приёмщица положила Колин мешок на весы и удивлённо спросила:

— Что у вас там? Камни, что ли?

Коля смутился, а я подумал: «Что, если самолёт из-за этого камня не взлетит?»

Но он взлетел.

СНОВА ТЯТЯ

Мы пролетали над океаном. Зелёный горбатый остров вытянулся под нами.

В самолёте было прохладно. Вместе с нами летело несколько пассажиров. Мы сидели на длинных скамейках. Кто читал газету, кто смотрел в окно. Одна женщина развязала сумку, вытащила копчёную рыбину и стала щипать её, заедая красное рыбье мясо хлебом.

Вдруг дверь из кабины лётчиков отворилась, человек в форме просунул в салон голову и объявил:

— Тятя!

Мы с Колей повернулись к окну. Ничего интересного. Низенькие зелёные горбики медленно проплывали под самолётом.

— Не там! Не туда смотришь! Надо вперёд!— закричал Коля.

Я упёрся носом в стекло.

Прямо на самолёт надвигалась вершина горы. Это было очень страшно: лиловые и оранжевые обожжённые камни устилали её склон. Сама вершина была вдавлена, и со дна провала поднималась ещё одна, маленькая, вершина с дырой— кратером. Дыра вела куда-то вниз, в бездну...

Вот это Тятя!

Вулкан величаво проплывал под нами. От восторга мы с Колей стали пихать друг друга локтями. Мы толкали друг друга до тех пор, пока не свалились со скамейки.

Вот это вулкан!

ДОМА

Мы прилетели домой в полдень. На аэродроме нас встречали все Колины родственники. Встреча была необычайно трогательной. Они помогли нам получить багаж и очень удивились мешку.

— Ого, тяжёлый!

Коля развязал мешок.

— Какой замечательный камень!— сказали родственники.— Правда, похож на человека?

— Не на человека, а на зверя,— сказал Коля.— Разве не видите? Вот голова, вот лапы.

И тут я понял: этот камень похож на калана, когда тот плывёт на спине! И как я раньше этого не заметил? Теперь Коля положит его у себя в мастерской, будет смотреть на него и вспоминать Дальние скалы.

— Спасибо за открытки,— сказали родственники.— Писали вы очень интересно, хотя и не понятно. Например, кто там шуршал?

— Медведь.

— А что такое «Край Света»?

— Мыс... Самая непонятная открытка ещё придёт,— сказал я.—«Было цу...» Знаете, что было? Цунами! Это такая волна...

Мы стояли на остановке автобуса и рассказывали. Про станцию и прибор, который чувствует землетрясения. Про каланов и морскую капусту. Про лётчиков, смотрителя маяка и рыбаков. Размахивая руками, мы рассказывали про Курильские острова.

Приехал автобус.

ДЕЛЬФИНИЙ ОСТРОВ

ПРИЕХАЛИ

Моторная лодка ударилась с ходу о причал и остановилась. Матросы выскочили из неё и привязали лодку к чугунному столбику—кнехту.

Мы приехали на остров. Здесь живут дельфины. Не на земле, конечно, а в воде. На земле живут учёные, которые изучают морских зверей.

— О, туда стоит ехать!—говорили мне на прощание друзья.— Дельфин—это знаешь что такое? Это удивительное животное. Хищный подводный зверь, а приручается, как собака.

И я поехал, чтобы написать эту книжку.

ВАЛЕРИЙ

На причале нас встретили учёные. Они были все молодые и с бородами. Самый бородатый сказал:

— Ещё один гость к дельфинам? Ну что ж, живите, знакомьтесь. Могу вам дать провожатого. Валерий — дельфиний доктор, — показал он на белобрысого парня в докторском халате. — Для начала он поможет вам отнести в комнату вещи.

На берегу стояло несколько домиков.

— Очень приятно! — сказал я. — Какие там вещи: чемодан, спальный мешок, пишущая машинка, рюкзак.

Учёные переглянулись.

— Тащи, Валерий! — сказал самый бородатый.

Я понял, что это начальник.

Когда мы с Валерием отнесли вещи, я спросил:

— Теперь к дельфинам?

Валерий покачал головой.

— Не спешите, сначала я покажу вам остров. Пойдёмте!

Остров оказался небольшим. Он был круглый и плоский, как блюдо. Мы шли вдоль берега по краю обрыва. Внизу громоздились камни. За ними зеленело море.

На потемневших от воды камнях сидели пучеглазые крабы. Они прищёлкивали и сучили клешонками около рта — ели.

Посередине острова торчала каменная башня маяка. Мы двигались вокруг неё, как стрелки.

— Что это там блестит?— спросил я про башню.

— Фонарь. На картах про наш маяк сказано: переменный. Ночью посмотрите, как он светит. Красиво!

Мы шли по узкой тропе. Она то спускалась к самой воде, то поднималась наверх и уходила в степь. Степь курилась жёлтой дымкой. В сухую, пожелтевшую от зноя траву с шорохом поползали змеи.

— Желтопузик!— сказал Валерий про коричневую, с круглой головой змею.— Леопардовый полоз!— про жёл-

тую с чёрными пятнами.— Да вы не бойтесь, ядовитых здесь нет.

— Я вижу, вы и по змеям специалист.

— Немного,— усмехнулся Валерий.— Я ведь ветеринар. Когда-то лечил кошек. Потом надоело, бросил. Был пожарником, медицинским братом в сумасшедшем доме. А теперь снова вернулся к зверям... Ну, вот мы и обошли весь остров. Вон и вольер!

Вольер оказался клеткой из сетей. Он стоял у берега в маленькой бухте. Бухта была такая узкая, что волны с моря не заходили в неё. Откипев, они гасли у входа.

ВОЛЬЕР

Вольер был собран из железных сетей. От солёной воды металл покраснел. Багровые блики плясали под мостками. Мостки шли вдоль вольера. Они качались на поплавках — гулких металлических бочках. Когда бочки сталкивались, по вольеру шёл низкий стонущий звук — бомм-м!

С берегом вольер соединяли неширокие сходни. Мы прошли по ним.

— Вот и дельфины!— сказал Валерий.— Видите?

Я ничего не видел. Я только слышал, что рядом кто-то тяжело дышит: пых! пых!

Наконец у самых моих ног из воды показалась блестящая чёрная спина. В том месте, где спина переходила в голову, вдруг что-то провалилось — получилась дырка. Из дырки вылетел вверх фонтанчик брызг, и животное шумно вздохнуло: пых!

Потом дырка захлопнулась, и зверь погрузился в воду.

— Да разве его так разглядишь?— сказал я.— Ну, что мне спина!

— А вы посмотрите направо.

Я повернулся. Справа на меня смотрело из-под воды бело-голубое, похожее на рыбу животное. У него была удлинённая птичья морда и тёмные внимательные глаза.

Дельфин не шевелился.

Насмотревшись на меня, он так же спокойно погрузился. Пошёл к себе домой. На дно.

МАЛЫШ, ПИРАТ И ДРУГИЕ

Валерий сказал, что никакого дома на дне у дельфинов нет. Их дом — верхний, пронизанный солнечным светом слой воды. Граница моря и воздуха. Здесь они носятся, то погружаясь в прохладный полумрак, то поднимаясь к поверхности воды.

— Малыш... Макс... Шустрый... Русалка... Пират,— называл мне Валерий дельфинов по именам.

— Как вы их различаете?

— То есть как?— удивился он.— Они же разные. Малыш — дельфинёнок, он меньше всех. Русалка — его мать, они плавают вместе. У Макса на спине белое пятно. Шустрый — с зазубриной на плавнике. У Пирата на голове три царапины — его весной укусил Макс.

Я хотел было спросить, за что так называли Пирата, но решил — успею.

Принесли мороженую рыбу. Высунув из воды головы, дельфины ждали. У самых их хвостов бродили стайки зеленоватых кефалей, но дельфины не обращали на них никако-

го внимания. Они ждали, когда сторож бросит им в воду оттаявших в ведре, дряблых рыбин.

«Наверное, они не очень хищные»,— подумал я.

БЕЛАЯ ШЛЯПА

Поев, дельфины собрались около меня.

Они высывались из воды и стояли как столбики, сильно работая хвостами.

— Это они на вас смотрят,— сказал Валерий.

— То есть как?

— А вы не такой, как надо. Ведь мы тут все одинаковые: в коротких штанах, загорелые, с непокрытыми головами. А вы...

Я посмотрел на своё отражение в воде. Брюки до пола. Кожа белая. На голове шляпа. М-да! На голове у меня была прекрасная широкополая шляпа из белого войлока, с кисточками по краям.

— Пожалуй, с точки зрения дельфинов, я действительно выгляжу чучелом,— сказал я.— Ладно, штаны я сменю, загар ко мне липнет быстро, но шляпа... Простите, я человек северный, мне надо беречь голову от солнца. Я не могу одеваться так, как хочется этим... Пусть привыкают.

Дельфины продолжали смотреть на меня.

Так началась моя жизнь на острове.

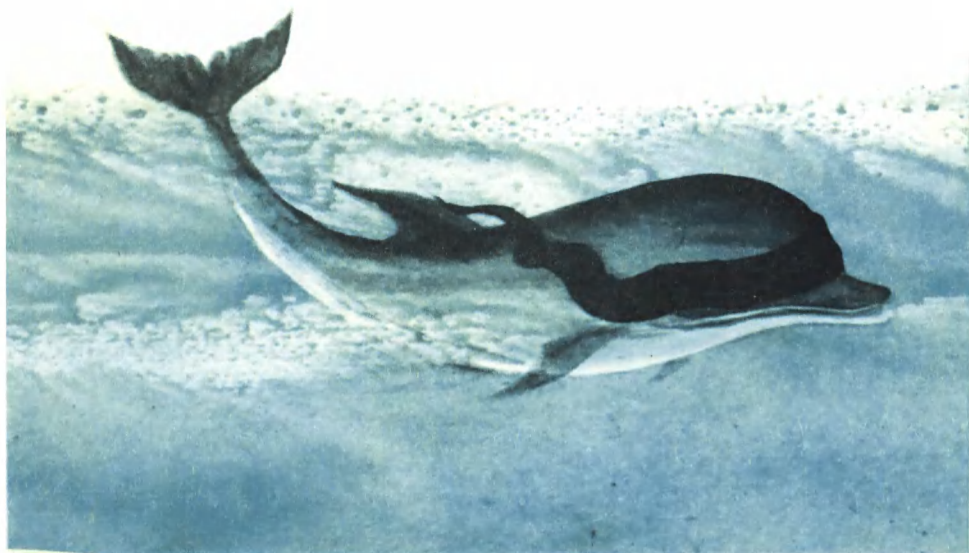
ТРЯПОЧКА

Я приходил каждый день в вольер, садился на мостки и смотрел. Я старался понять дельфинов.

Оказалось, что они очень любят играть. У каждого была своя любимая игрушка. Макс больше всего любил плавать с красным мячом. Шустрый — таскать в зубах обруч. У Пирата главная забава была тряпочка.

Кто уронил её в вольер, неизвестно. Простая чёрная

тряпочка. Она лежала на дне. Пират подплавал, поддевал её носом и мчался с ней по вольеру. Он мчался, а чёрный лоскут лежал у него поперёк морды. На глазу. Совсем как повязка у разбойника. Ясное дело — Пират.

Надоест Пирату лоскут на морде таскать, сбросит его и сейчас же — оп! — поддел плавником. Развевается тряпочка на плавнике.

Плывёт Пират, плывёт, сбросит тряпочку — оп! — подцепил хвостом. На ходу, не оглядываясь. Таскает на хвосте.

Надоело ему носиться, круто хвостом загрёб, затормозил, как матросы вёслами останавливают шлюпку, и застыл на месте. Тряпочка слетела с хвоста, медленно пошла на дно.

Там ей и лежать.

ДЕЛЬФИНЫ И ЗМЕИ

В вольер часто заплывали змеи—чёрно-красные ужи, которые водились в бухте. Сначала дельфины им очень удивлялись. Однажды Пират подплыл к одному ужу и толкнул его кончиком носа. Он решил, что это новая тряпочка.

Уж как зашипит! Завертелся, завился—и в сеть. Вплёлся в стальные кольца и повис, как вопросительный знак, над водой. Висит уж, раскачивается. Головой, как молоточком: взад-вперёд, взад-вперёд.

Долго Пират вертелся около него. Всё пытался понять—можно с этой тряпочкой играть или нет? А уж опять: ш-ш-ш-шшш!

На том дело и кончилось. Теперь змеи сами по себе, дельфины—сами. Плавают, друг другу не мешают.

МАКС В УПРЯЖКЕ

Около домика, где жил главный учёный, висел кусок рельса на проволоке.

Каждое утро, ровно в девять часов, дежурный ударял по рельсу железной палкой: донг!

Начинался рабочий день. К рельсу сходились учёные. У них был очень озабоченный вид. Я тоже приходил и смотрел, что они делают. Учёные изучали дельфинов.

— Как вы думаете,—спросил меня однажды Валерий,—кто быстрее: пароход или дельфин?

— Наверное, пароход,—осторожно ответил я.

— Вот и нет. Дельфин запросто обгоняет судно. А кто сильнее?

— Странный вопрос. Конечно, судно.

— Правильно. Так как же может слабый дельфин плавать быстрее корабля?

Этого я не знал.

— Этого не знает никто,— сказал Валерий.— Конечно, дельфины обтекаемые: они воду как ножом режут, но всё-таки...

Мы стояли около длинного ящика с водой. В ящике неторопливо плавал Макс. Он тяжело вздыхал и посматривал на нас тревожным взглядом.

К ящику подошли двое бородатых учёных. Они надели на Макса хомут. К хомуту привязали вожжи. Макс послушно потянул. Свободные концы вожжей были прикреплены к пружинным весам. Стрелки весов поползли вверх.

Бородатые учёные стали записывать, как сильно отклоняются стрелки.

— Главное, что он не сильный, а проворный! — сказал я.

Учёные усмехнулись.

— А что такое проворный?

Я пожал плечами. Что такое проворный, тоже надо было объяснять.

ДЕЛЬФИНЫ И СОБАКИ

Как-то я сидел на мостках, свесив ноги, и смотрел, как играют Шустрый и Макс.

Вдруг в вольере появились собаки — дворняжка, овчарка и большой белый пудель. Они шли гуськом. Обойдя вольер, собаки сели рядом со мной.

«Прогнать их, что ли?» — подумал я. Собак в вольер не пускали — калитка у входа была всегда закрыта на крюк.

Заметив собак, к нам подплыла Русалка. Подплыла и уставилась из-под воды внимательным взглядом. Подплыли ещё дельфины.

Я взял из ящика, где лежали игрушки, палку-поноску и, широко размахнувшись, швырнул её в воду. Русалка и Макс кинулись за ней.

Они мчались, выскакивая из воды. Первым подлетел к палке Макс. Он схватил её в зубы и повернул назад. Около моих ног Макс остановился и, не выпуская палки из зубов, высунулся из воды.

Он возвращал поноску.

Овчарка и пудель заворчали. Шерсть на их загривках поднялась дыбом. Собаки вскочили и, упираясь лапами в дощатый настил, свирепо залаяли.

Из домиков на берегу высыпали люди. Они бежали к вольеру.

Первой заметила их дворняжка. Она призывно тьякнула и опрометью бросилась на берег. За ней, оглядываясь и огрызаясь, потрусили овчарка и пудель.

— Кто тут развёл беспорядок? Кто не закрыл за собой калитку? Кто не догадался прогнать собак?

Начальник спрашивал, свирепо шевеля бородой. На меня он не смотрел.

«Может прогнать с острова,— подумал я.— Что ему стоит?»

Но начальник уже улыбался.

— До чего любопытно!— сказал он.— Только собаки веками таскали человеку поноску. Только они были верными друзьями людей. И вдруг какие-то морские звери!.. Конечно, собаки обиделись.

— А вот кошки...— начал Валерий.— Когда я занимался кошками...

Но начальник его перебил:

— Знаю, знаю. Кошки тоже интересны, но не так.

— Ещё лошади всегда были друзьями,— сказал я.

«ИДИТЕ ВСЕ СЮДА!»

— Вы ещё ни разу не плавали с дельфинами?— спросил меня как-то Валерий.— Немедленно полезайте.

Я надел маску, сунул в рот загубник дыхательной трубки и боком, как краб, полез с мостков в воду. Лез, лез и сорвался. С плеском, в туче пузырей ушёл на дно. За стеклом маски вспыхнуло голубое сияние.

И вдруг мне послышалось комариное: «Пи-ии! Пи-ии!»

Может, это кровь шумит в ушах?

Нет, звуки повторились. Тоненькие-тоненькие.словно иголочки. Комары не унимались, они подлетали ко мне с разных сторон.

«Пи-ии!»— сзади.

«Пи-ии!—спереди.

«Пи-ии! Пи-ии!»

Я повернулся направо, откуда доносился самый громкий писк. Из голубого сияния ко мне приближался Пират. Он приближался очень медленно, с плотно закрытым ртом. Но я сразу понял—пищит он. Больше пищать было некому.

Пират издал длинный звук: «Пи-ииии-ии!..» И появились ещё дельфины. Они появились внезапно, словно выныривая из-под зелёного занавеса. Бело-голубые, сияющие отражённым светом, дельфины стремительно приближались и, когда казалось, вот-вот столкнутся со мной, лёгким движением хвоста изменяли направление и проносились мимо.

Поплавав с дельфинами, я выбрался на мостки.

— Что они там делают?— спросил про дельфинов Валерий.

— Пищат.

— Вот так: пи-иии-пии?.. Знаете, что это значит?

— Да что-нибудь вроде: «Здесь тот чудака в белой шляпе». Да?

— Не совсем. Это значит: «Идите все сюда!»

И он рассказал мне такую историю.

КОПЧЁНЫЙ

Когда вольер только построили, в него пустили первую партию дельфинов.

Их отловили в море. Это были шесть больших дельфинов-афалин.

Вожакон у них был Копчёный. Так его прозвали за тёмную, отливающую чёрным цветом кожу. Копчёный был больше своих товарищей. Они плавали за ним следом, уступали рыбу, которую бросали им в вольер, терпели его укусы.

У Копчёного был сварливый, непокорный нрав, и из-за этого вся стая плохо приучалась.

Однажды к вольеру подошёл катер. Стоявший на носу матрос бросил якорь, но не рассчитал, и лапа якоря задела сеть.

— Эй, на вольере!— крикнул он.— Проверьте, ничего я не порвал?

Подошли люди, спустились под мостки и увидели, что якорь, падая, пробил в сети большую дыру.

— А Копчёный-то уже здесь!— сказал кто-то.

К месту пробсины подплывал тёмный дельфин. Он приближался осторожно, покачивая головой из стороны в сторону, словно обследуя сеть.

Заметив дыру, он остановился и издал долгий торжествующий писк: «Пи-и-ии-пи-и!»

Стая была в другом конце вольера. Услыхав призыв, дельфины мгновенно бросились к Копчёному. Они подплывали один за одним и, не раздумывая, проскакивали через дыру. Первый... Третий... Наконец, Копчёный остался один. Люди на мостках решили отпугнуть его, отогнать от дыры. Они стали кричать и ударять палками по сети.

Копчёный лениво шевельнул хвостом и, не обращая внимания на шум, тоже проскользнул в отверстие.

— Так мы впервые услышали, как дельфины переговариваются друг с другом,— сказал Валерий.— Впрочем, здесь много неясного. Это тоже изучают учёные.

МАЛЕНЬКИЙ НАЕЗДНИК

Малыш появился в вольере за месяц до моего приезда.

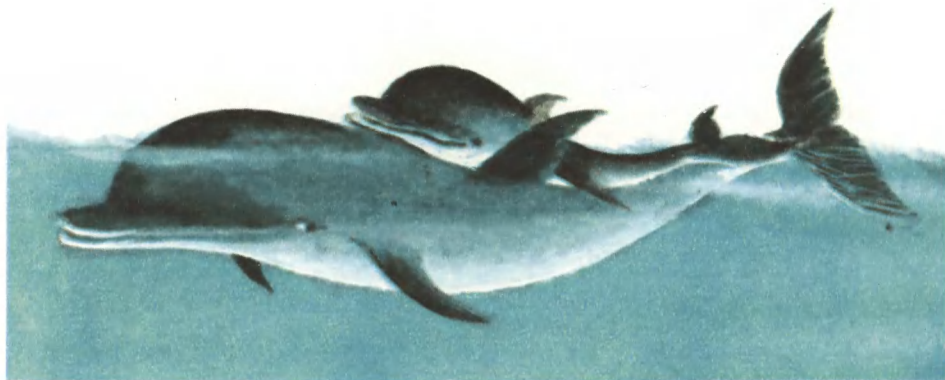
Он родился под водой.

Поддев слабое тельце мордой, мать вытолкнула новорождённого на поверхность. Дельфинёнок сделал первый вдох и, дёрнув хвостом, неуверенно поплыл.

— Но умный он был с первого дня!— рассказывал Валерий.— Вы обратили внимание, как он плавает?

Я стал наблюдать за дельфинёнком.

Малыш не отставал от матери. Он то преследовал её по пятам, то вертелся перед самым носом, но когда уставал,

то всегда подплывал сверху, становился около спинного плавника и, почти не двигая телом, мчался вместе с Русалкой, словно привязанный верёвочкой.

— Ишь уселся!— говорил Валерий.

Малыш мчался, будто в седле. Он летел, увлекаемый движением матери, держась на невидимых глазу струях воды.

КАК ЛЕЧАТ ДЕЛЬФИНОВ

Однажды Малыш заболел.

То ли он простудился, то ли съел что-то не то, но он захандрил: стал вялый, по коже у него пошли белые язвенные пятна.

И тогда я увидел, как летят дельфинов.

— Помогите,— попросил меня Валерий.— Нужен человек нести носилки.

— Хорошо,— сказал я.

Двое сторожей притащили сеть. Они опустили её в во-

льер и повели, сгоняя дельфинов в один угол. Они вели её, как рыбаки — невод.

Встревоженные звери отступали.

Валерий в маске и ластах полез в воду.

Дельфины сгрудились около сетки. Валерий улучил момент и бросился в кучу дельфинов.

Он ухватил Малыша за плавник, перевернул на спину, обхватил руками и, работая изо всех сил ластами, поплыл к мосткам.

— Носилки! — крикнул он.

Мы развернули носилки и плеснули на них водой.

Малыша положили на брезент. Вчетвером мы подняли носилки и зашагали на берег к домику, где была дельфинья больница.

Здесь Малыша переложили на стол, покрытый поролоновым матрасом. Пристегнули ремнями.

Он лежал, печально кося глазами по сторонам. Валерий взял шприц, пузырёк с лекарством, проткнул иглой резиновую пробку, набрал полный шприц и сделал Малышу укол. Потом второй. Потом измерил пульс и температуру.

Моя рука опиралась на стол около самой морды дельфинёнка. Если бы Малыш захотел, он мог бы укусить меня. Всякий другой зверь на его месте так бы, наверно, и сделал. Да что там зверь! Если бы меня какие-нибудь морские существа затащили под воду и, привязав к столу, начали колоть, честное слово, я бы не выдержал. Я бы кусался и колотил ногами по матрасу. А Малыш лежал спокойно. Только когда делали второй укол — около хвоста, — дёрнулся, и в пустой комнате слышалось комариное: «Пи-ии-пи!..»

Мы отнесли Малыша назад и осторожно пустили в воду.

Дельфинёнок кинулся к матери, пристроился около её плавника, и они продолжали свой обычный бег.

В этот день Малыш и Русалка ни разу не приблизились к мосткам и не остановились, чтобы взять из рук у людей рыбу.

Через несколько дней белые пятна на коже у Малыша стали исчезать. Дельфинёнок повеселел.

У дельфинов-афалин прекрасная голубая кожа — блестящая и упругая, как резина.

КИНО

Перед самым моим отъездом на остров привезли кино.

Мы сидели с Валерием в тёмной комнате, битком набитой народом. Экраном была стена. Над нашими головами танцующий луч выхватывал из темноты ослепительные пылинки и рисовал на стене корабли. Корабли шли пенистым морем.

После этого на экране показали дельфиний цирк. В большом круглом бассейне звери играли в баскетбол. Они забрасывали в корзину мяч. Дельфин подплавал, хватал зубами мяч и мчался с ним к щиту. Прыжок — и мяч в кольцо.

Потом мы увидели, как люди обмотали паклей обруч и подожгли. Зашипело пламя. Горящий обруч повис над водой. Дрессировщик поднёс к губам свисток. Стремительное блестящее тело дельфина выскочило из воды, пронеслось по воздуху и, пробив огненно-дымный круг, без всплеска вошло в воду.

Я наклонился к уху Валерия:

— А у вас будет когда-нибудь так?

Валерий помотал головой.

— Зачем? У нас научная станция, а не цирк.

По экрану уже двигался плот.

На нём стояла девочка в полосатом купальнике.
В упряжке плыл дельфин.

Неожиданно лента кончилась.

Мы вышли с Валерием на воздух.

На верхушке маячной башни то разгорался, то потухал красно-зелёный фонарь. Красные и зелёные волны накатывались на берег.

— Мне бы ещё на инженера выучиться...— сказал Валерий.— Я бы такие приборы изобрёл—переговариваться с дельфинами. Плывёшь под водой, пискнул, а дельфины уже тут как тут. Точно. Пойду учиться опять!

РЯДОМ И ПОД ВОДОЙ

Я уезжал с острова в хмурый, непогожий день. Надвигался шторм. Медузы, которых всегда было так много в бухте, исчезли. Они уплыли в открытое море пережидать бурю.

Под причалом бормотала вода. Трещал, вытягиваясь по ветру, флаг. Лодка была готова к отплытию.

Мы простились с Валерием.

— Приезжайте на будущий год,—сказал он.

— Приеду.

Лодка отвалила от причала, проскочила узкий выход, вышла в залив. Впереди запрыгала синяя полоска материкового берега.

Я покидал дельфиний остров.

Друзья были правы: и верно, дельфины удивительные животные!

Я сидел на корме, над самым винтом, тряся вместе с лодкой и думал про дельфинов.

«Очень радостно, что они живут вместе с нами. Рядом и под водой».

РАЗНОЦВЕТНОЕ МОРЕ

Это повесть о море. Только не о том, которое видно с берега. То море всегда одного цвета: голубое или синее в хорошую погоду, чёрное в шторм. Моё море разноцветное: жёлтое, зелёное, розовое, фиолетовое. Это море, каким его видят рыбы и люди, которые умеют плавать под водой, как рыбы.

МОЙ КОСТЮМ

Для того чтобы опуститься под воду, я надеваю своё нехитрое водолазное снаряжение и вооружаюсь.

Снаряжение — ласты да маска. Оружие — гарпунное ружьё или фотоаппарат.

Чтобы дышать, засовываю в рот изогнутую трубку, а свободный её конец укрепляю за ухом.

Вперевалку, как утка, шлёпаю по берегу и, хрипя, продаваю трубку: хр-р-р! хр-р-р!

В воде отражается одноглазое существо с лягушачьими лапами: хр-р-р!

УЧУСЬ ПЛАВАТЬ

Этим летом я жил под Севастополем.

Там и начались мои подводные путешествия.

«Только бы залезть под воду,—думал я.—Сразу же насмотрюсь интересных вещей!»

Однако получилось совсем не так!

Ранним утром я пришёл на берег. Сел на камень. Надел ласты, маску.

«Чур,—говорю себе,—всё-всё под водой примечать! До последней рыбёшки!»

Слез ногами вперёд, лёг на воду и... захлебнулся.

ТЬфу! Полная трубка воды!..

Пришлось учиться самому простому на свете — как дышать.

Стал вспоминать: кто в море дышит воздухом? Кит! У него дыхательное отверстие на макушке, выше глаз.

Значит, учиться надо у него.

Учился, учился — выучился дышать по-китячьи.

Плыву у самого берега. Лицо — под водой, трубка — снаружи. Наберу полные лёгкие воздухом и нырну. Вынырну, воду из трубки выпущу фонтанчиком и снова плыву. Дно видно отлично!

Ну вот, теперь можно уходить прочь от берега.

Зашлёпал ластами по воде, а сам еле-еле вперёд двигаюсь.

Э-э! И тут непорядок. И этому надо учиться.

Пришлось снова вспоминать. У кого на ногах ласты? У тюленя. Как он ими шевелит? Как рыба хвостом.

Поплывём по-тюленьи!

Вытянул ноги и давай часто-часто перебирать ими. Ласты стали извиваться, и я поплыл.

Плыву, только вода по спине журчит.

Вот теперь быстро. Вот теперь можно плыть на глубину. Можно всё примечать.

ОГОНЁК

И тут действительно передо мной открылся новый мир.

Жёлтые и зелёные скалы всплывали из фиолетовой толщи воды, двигались прямо на меня.

Бурые, зелёные, красновато-серые водоросли лесами вставали со дна. Солнечная пыль беззвучно сыпалась на них.

Как тихо! Всё словно замерло в молчании, только я один толкаю воду да пускаю пузыри через трубку: буль-буль-буль!

Удивительное дело: дно было мёртвым. Нигде ни рачка, ни рыбёшки.

«Видно, ещё не добрался я до настоящего подводного мира. Надо плыть дальше».

Уже и ноги начали с непривычки уставать, а вокруг всё по-прежнему пустынно.

Мне вспомнились путеводные огоньки, которые в сказках приводили путешественников в необыкновенные страны. Вот бы мне такой огонёк!

И только так подумал — впереди действительно мелькнул красный огонёк. Трепетный, радостный. Откуда он здесь?

Я поплыл к нему, ещё сильнее размахивая ногами и руками. Огонёк шевельнулся и стал уходить.

Я — за ним. Он — от меня.

Может быть, это и есть мой путеводный огонёк? Только как же он горит под водой?

Мы двигались вверх по береговому склону, и казалось, что я вот-вот догоню его.

Но нет, он свернул в сторону и пропал в куче камней.

Ухватившись за них, я повис вниз головой и стал искать огонёк глазами.

Прошло полминуты, минута... Всё было тихо. Замер и я.

И вдруг что-то красное мелькнуло между камнями, а затем оттуда прямо на меня выплыла рыбка.

Она была такая яркая, что я даже прищурил глаза. Настоящий огонь! Только голова у рыбки чёрная-пречёрная... Ба, да ведь это морская собачка! Старая знакомая!

Я хорошо знал этих проворных рыбок, но такой красивой никогда ещё не видел.

Я протянул руку. Собачка отскочила назад и искрой погасла в камнях.

Ушла. Опять один.
Я посмотрел вокруг.
Вот так чудо!

Дно преобразилось. Стайками сновали серебристые кефальки. Из травы выплывали один за другим прозрачные рачки-креветки. Полосатый краб, близоруко пуча глаза, лез через камень.

Что значит минута тишины! Выходит, это я сам распугал всех подводных жителей.

Вытянув руки и едва шевеля лапами, я медленно двинулся вперёд.

Теперь я плыл без шума.

Вокруг волновалась беспокойная, кипучая жизнь.

Плавали, ползали, преследовали друг друга, гибли и побеждали хвостатые, ногастые, пучеглазые и слепые обитатели морского дна.

Это был настоящий подводный мир, тот самый, куда я так стремился попасть.

Но в этот мир я пришёл не сам. Меня привёл туда путеводный огонёк — маленькая кроваво-красная рыбка — собачка.

КУЧКА МУСОРА

Я учился фотографировать под водой.

Аппарат был в чехле, но вода часто попадала внутрь и портила плёнку.

Однако я не унывал.

Особенно мне хотелось сделать цветную фотографию одной из самых ярких черноморских рыб — зеленушки-рулены.

Это долго не удавалось.

Зеленушки всё попадались мелкие, невзрачные. Если и показывалась крупная, то она тотчас же уходила на глубину, в полумрак.

Как-то я плыл мимо одинокого мохнатого валуна.

Камень весь оброс зелёными лопушками морского салата — ульвы. Около камня белела песчаная осыпка.

Вдруг я заметил на песке груды осколков. Это были остатки мидий.

Раковина мидии похожа на большое чёрное семечко. Поэтому груды осколков напоминала кучку мусора, которую оставил после себя любитель подсолнухов.

Некоторые обломки раковин были совсем свежие. В них ещё курилась дымком жёлтая кровь моллюска.

Кто намусорил на дне?

Притаившись за камнем, я стал наблюдать.

Некоторое время всё было спокойно.

Потом из-за мохнатого куста осторожно выглянула длинная рыба морда.

Я не шевелился.

Осмелев, рыба вышла.

Это была великолепная рулена. Жёлто-зелёная, с малиновыми и голубыми полосами.

Она повернулась ко мне боком и, тыча мордой в чашу ульвы, стала что-то выискивать.

Найдя, она ухватила это что-то губами и, мотнув головой, отломил от камня.

Затем отплыла назад. И тут стало видно, что во рту у неё чернеет продолговатая раковина.

Рулена сжала челюсти — крак! — и раковина разломилась.

Затем началось непонятное. Рыба выплюнула мидию. Медленно кружась, та пошла на дно.

Лёгкое тело моллюска тонуло медленнее, а осколки раковины — быстрее.

Рулена подхватила мидию. Ещё раз куснула — крак! — и снова выплюнула.

Это она повторяла до тех пор, пока на теле моллюска не осталось ни одного кусочка раковины.

Тогда рулена съела добычу.

Я присмотрелся. Зелёный горб камня был весь покрыт мидиями.

Так вот откуда на дне мусор!

Как всё просто.

Рулена стояла ко мне боком, хорошо освещённая солнцем.

Я поднял камеру и щёлкнул затвором. Снимок был готов.

КТО ПРЯЧЕТСЯ ЛУЧШЕ ВСЕХ

Морские жители — известные хитрецы.

Мне всегда нравилось, как ловко они прячутся. Но кто же прячется лучше всех?

Вот однажды я и решил это узнать.

Поплыл. Дно подо мной было скалистое. Один за другим проходили камни — чёрные, ноздреватые. К ним кое-где прилепились водоросли.

Плыву, присматриваюсь.

Э, а это чьи глаза там сверкнули?

Ткнул ногой в камни, а оттуда как выскочит мордатый ёрш-скорпена!

Весь в бурых шишечках. Страшный, как чёрт! Как будто его самого из этих щербатых камней слепили.

Заскочил ёрш в кучу камней, прижался к ним и снова стал невидим.

Хорошо прячется!

Кручусь я у этой кучи — снова хочу ерша разглядеть.

На камнях веточки водорослей. Камни — чёрные, с зелёными пятнами, веточки — жёлтые.

Вижу — шевельнулась одна веточка. Прыг! — на

новое место перескочила.

Это ещё что за диво?

Подплыл ближе. Никакого дива. Веточка-то не простая, а живая. Растёт не на камне, а на лбу у маленькой рыбки-собачки.

Рыбка — зелёная, пятнистая, веточка — жёлтая.

Легла рыбка на дно. Сама замерла и веточкой перестала шевелить. Поди её сыщи!

«Вот так штука! — думаю. — Эта ещё лучше ерша прячется!»

Вспомнил я её родственницу — кроваво-красную собачку, которая меня научила, как вести себя под водой, — и тихонько поплыл дальше.

Приплыл на отмель.

Песок здесь радостный: жёлтый, лучистый.

Знаю — рыб должно быть много, а никого не вижу.

«Тут, — говорю себе, — наверно, самые главные хитрецы живут!»

Вдруг смотрю — из песка рыбья спина торчит. Вдоль спины тёмная полоска.

«Эх, ты, — думаю, — шляпа! Закопаться не сумела. Вот я тебя за это поймаю!»

Подплыл и рыбку рукой поперёк спины — цоп!

Ай-ай-ай! Чуть не захлебнулся: рыбка шипастый плавник подняла и меня шипом как кольнёт!

Я скорей наверх — и к берегу.

Вылез, давай ранку сосать.

Вот тебе и шляпа! Вот тебе и не закопалась!

Выдавил из ранки кровь. Прижѐг ранку спичкой. А к вечеру рука всё равно опухла. Болела долго и зажила только к концу недели.

Когда я рассказал об этом случае знакомым рыбакам, они испугались.

— Да знаешь ли,— говорят,— что от этой рыбки ты мог умереть? Это же змейка, морской дракон. С ней не шути! Счастье твоё, что обошлось...

Так я и не нашёл, кто в море лучше всех прячется.

А вот кто хуже всех — нашёл. Тот, кому можно и вовсе не прятаться.

ВОТ ТАК ШТУКА!

Когда я научился совсем прилично плавать под водой, то решил, что пора приступить к охоте.

Ружьё у меня было самодельное. Оно стреляло маленьким гарпунчиком. На шнуре.

Но охотиться — значит заплывать далеко от берега.

И, прежде чем отважиться на это, я спросил у приятелей:

— А акул в Чёрном море нет?

— Как же,— говорят,— есть! Катранами называются. Их тут видимо-невидимо.

Вот так штука!

Я много читал про акул и легко представил себе такую картину: вот один катран подплывает ко мне сзади, переворачивается на бок и — хрусь! — перекусывает меня пополам.

Брр-р-р! Может быть, и не охотиться?

Долго думал и наконец решился. А, была не была! Авось не съедят!

И пошёл на море.

Больше всего мне хотелось застрелить морского петуха — триглу, большую красно-бурую рыбу с огромными тёмно-синими грудными плавниками.

Однако под водой меня ждало разочарование.

Во-первых, плавать с ружьём оказалось не так-то просто. Оно занимало руки, мешало нырять и делать повороты.

Во-вторых, найти морского петуха было очень и очень трудно.

Прямо ко мне подплывали чёрные рыбки с раздвоенными хвостиками — ласточки.

Из водорослей то и дело показывались пёстрые зеленушки.

Головастые ерши не мигая смотрели из-под камней.

Все, казалось, говорили: ну, стреляй! Но я выдерживал характер и не стрелял.

Дважды пришлось вылезать из воды, чтобы согреться. Наконец повезло.

Я только отплыл от берега, как заметил на песчаной осыпке под фиолетовой тенистой скалой характерный силуэт рыбы с широкими, как веер, плавниками и большой головой.

Это был петух.

Распуская и свертывая плавники, он переходил с места на место, роясь в песке.

Я стал подплывать.

Медленно-медленно поднимаю к глазам ружьё, навожу прицел на пятнистый рыбий бок... Ближе... ближе...

Ш-ш-ш-шу!— сорвался гарпун.

Он надвое рассек левый плавник триглы и, дрогнув, вонзился в песок.

Рыба метнулась вбок и, размахивая обрывками плавника, скрылась за скалой.

Какая досада!

Перезарядив ружьё, я вплавь обошёл скалу. Ничего.

Покараулил у осыпки. Безрезультатно.

На этом охоту пришлось кончить.

Уже возвращаясь к берегу, я заметил на глубине серебристо-серую рыбу с острым собачьим рыльцем и хвостовым плавником в виде полумесяца.

Выстрел оказался удачным. Положив рыбу в мешок, я вернулся в город.

— Ну, как дела?— спросили меня приятели.— О, да ты совсем молодец! Гляди-ка, акулу привёз. Ничего катранчик — полметра будет!

Я смотрел на серую рыбу и не верил своим глазам.

Так вот какая она — черноморская акула!

А я-то боялся.

СКУЧНОЕ МЕСТО

Идти на песчаную отмель, что левее входа в бухту, друзья мне не советовали.

— Что там для охотника интересного?— говорили они.— Скучайшее место: подводная пустыня.

Но я взял ружьё и всё же пошёл.

Залез в воду.

Кругом и верно пустыня: один песок — жёлтый, гладкий. Так на солнце и блестит.

Никто не пробежит, не проплывёт. Тихо льются сверху

зелёные солнечные лучи. Навстречу им снизу поднимается отражённый песчинками свет.

Солнца много, а плыть прохладно. Брр-р-р!..

То ли дело плыть над тёмными водорослями. Там дно нагретое, тёплое.

Но где же здешние жители? Никого не видно. Действительно, скучное место.

Плавал я, плавал, плюнул с досады и собрался кончать охоту.

Так бы и ушёл. Но тут, чувствую, соскочил у ласта запяточный ремень.

Набрав воздуха, я скорчился и повис в воде, поправляя ремень. Тогда-то и появился первый песочный житель.

Это была маленькая рыбка светло-жёлтого цвета — ошибень. Она, как ниточка, извивалась по дну.

Вот рыбка всплыла и повисла над песком, быстро вертя хвостиком.

И тут произошло неожиданное.

Песок, над которым висел ошибень, вспучился и разлетелся во все стороны. Из песка выскочила плоская, похожая на коричневую тарелку рыба и — цоп! — схватила малька.

«Камбала!» — узнал я её...

Камбала, проглотив малька, опустилась на дно и, перебирая плавниками, стала забрасывать себя песком.

Скоро у неё остались снаружи одни глаза.

Я лёг на воду, раскинув руки, и стал наблюдать, что будет дальше.

Камбале это не понравилось. Она медленно привсплыла, как подводная лодка, и с песком на спине осторожно двинулась прочь.

«Ох и лентяйка! Не хочешь снова закапываться, со своим песком поплыла... Ну погоди — стреляю!» — решил я, взвёл ружьё и нырнул.

Роняя со спины комочки песка, пучеглазая рыбина метнулась вправо, влево, с размаху ударилась о дно, подняла облако жёлтой мути... и пропала.

Когда муть осела, камбалы не было видно. Она или успела закопаться в песок, или удрала под прикрытием этой «дымовой завесы».

Я вернулся домой.

— Ничего не принёс? — спросили меня друзья. — Правда, скучное место?

— Ага,— отвечаю.— Ничего не принёс.

Вспомнил, как удирала груженная песком камбала, и улыбнулся:

«А что, если туда пойти ещё раз? Только не с ружьём, а с фотоаппаратом... Конечно, надо. Завтра же и пойду! Непременно!»

Вот тебе и скучное место!

БЕРЕГИСЬ!

Я гнался за стаей лобанов — стаей крупной кефали.

Лёгкие, как тени, рыбы скользили у самого дна и при малейшей попытке приблизиться к ним уходили на глубину в открытое море.

И вдруг мне повезло.

От стаи отделился большой голубой лобан и пошёл, ощипывая на ходу водоросли, в сторону берега.

Я поплыл за ним.

Рыба зашла в расселину между двумя длинными камнями и остановилась.

Набрав воздуха, я нырнул. Придерживаясь рукой за жёсткие стебли рыжих водорослей, приблизился к расселине и, приподняв голову, выглянул из-за камней.

Лобан был метрах в трёх.

Осторожно подняв ружьё, я старался поймать на прицел серый бок рыбы.

Есть!

Гарпун, звякнув, метнулся вперёд. За ним устремился шнур.

Задев рыбу, гарпун пролетел ещё с полметра и с размаху ударился о камень. Дзынь!

Лобан моментально исчез.

На дно белыми петлями бессильно опускался шнур.

Всплыв, я начал торопливо наматывать его на руку. Так и есть: гарпун — единственный гарпун — был повреждён. Из трёх зубьев наконечника сохранился лишь один.

Конец охоте.

Перезарядив ружьё, я снова опустил голову под воду.

Лобан никуда не ушёл! Он медленно кружил на старом месте, словно желая выяснить, что случилось.

Я прицелился во второй раз. Лобан пошёл прочь. Он плыл между камней, всё ускоряя ход.

Кругом светлело — глубина уменьшалась.

Лобан скоро устал, и расстояние до него сократилось. Камни, между которыми он плыл, поднялись и стали сближаться. Мы очутились в скалистом коридоре.

Дно и стены коридора густо поросли розовыми водорослями — цистозирой. Глубина всё уменьшалась — значит, из коридора нет выхода. Лобан попался!

Я уже опустил предохранитель ружья, как вдруг моё внимание привлекла необычная картина.

Водоросли впереди вели себя непонятно.

Они угрожающе шевелились, а самые высокие из них размахивали из стороны в сторону косматыми лапами, словно предостерегая об опасности.

Лобан замедлил ход и остановился.

Что мне водоросли! Я был уже совсем рядом. Вытянув перед собой ружьё, сделал два сильных гребка ногами, навёл прицел на толстый рыбий живот... и беспомощно забарахтался, перевернутый волной на спину.

Прибой швырял меня как щепку: то поднимал к самым скалам, то уносил далеко по коридору назад.

Кое-как я перевернулся на грудь и, отчаянно работая ногами, ушёл на глубину, а потом назад в бухту...

Так вот чем грозили мне водоросли! Они кричали: «Берегись! Волны!» А я их не понимал.

ПРОЩАЙ, МОРЕ!

В сентябре прохладно. Нельзя было долго находиться в воде.

Исчезло и большинство рыб. Они ушли дальше от берега, на глубину, где теплее.

Там у них свой — рыбий — юг.

Пора было уезжать и мне.

Сентябрьским утром я сложил все свои вещи, упаковал ласты, маску и в последний раз вышел на берег.

Море лежало передо мной тихое, ласковое. Оно было осеннего, зеленовато-бутылочного, цвета.

Но теперь я знал — этот цвет обманчив. Настоящие краски моря не здесь, на поверхности. Настоящие краски под водой — жёлтые, зелёные, розовые, голубые...

Прощай, разноцветное море!

СОДЕРЖАНИЕ

Н. Сладков Святослав Сахарнов	3
---	---

КТО В МОРЕ ЖИВЁТ

В холодном море	8
В тёплом море	21

МОРСКИЕ СКАЗКИ

Как краб кита из беды выручил	34
Корабельная муха и брызгун	38
Чилим и три ползуна	40
Как ласкирь учился хвостом вперёд плавать	44
Морской петух — тригла	49
Любопытные наваги	52
Рак-мошенник	55
Крабишкин дом	59
Зелёная рыбка	62
Камбала и ласкирь	65
Почему щука в море не живёт	68
Какого цвета море?	71

САМЫЙ ЛУЧШИЙ ПАРОХОД

Рассказы

Живые домики	76
Пиранья	78
Белёк	80
Море под облаками	84
Девочка и рыба	86
Мокрый цирк	88

Город осьминогов	92
Подбитая чайка	95
Два радиста	98
Как достали якорь	102
Самый лучший пароход	105
Злой узел	107

ДЕЛЬФИНИЙ ОСТРОВ

Маленькие повести

Как я спас Магеллана	114
Безногие головоногие	130
Цунами	158
Дельфиний остров	193
Разноцветное море	216

РИСУНКИ Н. УСТИНОВА И В. ТРУБКОВИЧА

Для дошкольного возраста

Святослав Владимирович Сахарнов

РАЗНОЦВЕТНОЕ МОРЕ

СКАЗКИ, РАССКАЗЫ, ПОВЕСТИ

Ответственный редактор К. Д. Аронов. Художественный редактор Н. Г. Холодовская. Технический редактор Л. П. Костикова. Корректоры В. И. Дод и Г. В. Русакова. Сдано в набор 16/11 1973 г. Подписано к печати 23/VIII 1974 г. Формат 70×90/16. Бум. офс. № 1. Печ. л. 15. Усл. печ. л. 17,55. Уч.-изд. л. 13,34. Цена 1 р. 52 к. Зак. № 383. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский полиграфкомбинат детской литературы имени 50-летия СССР Росглаволиграфпрома Госкомиздата СМ РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Цена 1 р. 52 к.